ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1983

ПАМЯТНИК
Карлу МАРКСУ
В МОСКВЕ.

Скульптор Л. Кербель.

ФИЛОСОФИЯ СОЦИА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (2904)

12 МАРТА 1983

УЧЕНИЕ МАРКСА ВСЕСИЛЬНО, ПОТОМУ ЧТО ОНО ВЕРНО.

В. И. ЛЕНИН

...ЛЬНОГО ОПТИМИЗМА

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото М. САВИНА

«Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса,— убежденно говорил Владимир Ильич,— и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться».

Эти ленинские слова, ставшие заветом грядущим поколениям, нельзя не вспомнить, переступая порог Музея К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве. Вместе со старшеклассниками 172-й московской школы поднялся на второй этаж, где разместилась уникальная экспозиция, посвященная жизни и деятельности двух величайших соратников по борьбе за освобождение людей труда. Ребята пришли на встречу с Марксом в канун столетия со дня его смерти.

...Тишина, сосредоточенные лица. Школьников волнует буквально все: и макет дома на Брюккенгассе, где в семье советника юстиции Генриха Маркса, человека высокой культуры и исключительной честности, родился и вырос будущий гениальный мыслитель; и фотографии Трирской гимназии, в которой учился Маркс, и тетради с его стихами, одна из которых посвящена очаровательной Женни фон Вестфален, ставшей впоследствии его женой и верным другом. Эти тетради были переданы в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Центральным Комитетом Французской коммунистической партии. Юноши и девушки долго не отходят от стенда: под стеклом стихи, написанные рукой Маркса! Ребятам, видимо, по душе пришлись эти строки:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.

Экскурсовод, кандидат исторических наук Нелли Васильевна Корнеева, не спешит переходить из зала в зал. С первых же минут завладев вниманием слушателей, она как опытный педагог (до работы в музее Н. Корнеева преподавала в Московском университете) словно вслух размышляет, подчеркивая в характере молодого Маркса те черточки, которые непременно понравятся ее нынешним слушателям. А значит, и станут примером для подражания.

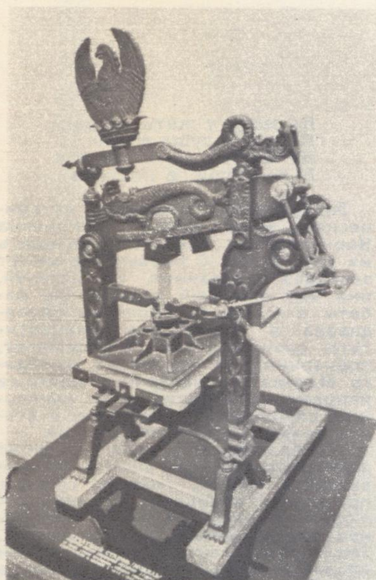
— Обратите внимание,— говорит экскурсовод,— что уже в вашем возрасте Маркс видел главное призвание человека в служении людям, в труде на благо миллионов обездоленных и бесправных. Так, в своем выпускном сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» семнадцатилетний гимназист с убежденностью взрослого человека заявлял: «...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества...» Эти слова стали девизом всей его жизни.

Юноши и девушки задерживаются возле одной из фотографий Маркса, пристально всматриваются в одухотворенное лицо со спокойным, твердым взглядом, за которым угадывается человек неукротимой силы духа, и мысленным взором переносятся в эпоху подготовки первого программного документа научного коммунизма — «Манифеста Коммунистической партии».

В фондах музея сосредоточено наиболее полное в наше время собрание фотографий Маркса и Энгельса, их боевых соратников, деятелей рабочего и коммунистического движения. Широко представлен иконографический материал членов семьи Маркса, участников Парижской Коммуны.

От стенда к стенду, из зала в зал перехожу я вместе с ребячьей экскурсией. Вот докторская диссертация Маркса, экспонируемая на одном из стендов,— как само-

В зале музея. ▲



Модель печатного станка. На таком станке печаталась «Рейнская газета», редактировавшаяся К. Марксом в 1842—1843 годах.

Рабочий кабинет К. Маркса в Лондоне на Мейтленд-Парк-Род № 1 (макет).

▼

бытно и ярко проявилось здесь глубоко творческое мышление молодого ученого. И тут же на «экране памяти» оживают слова его современника: «...Представь себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля объединенными в одном лице... и перед тобой будет д-р Маркс...»

Поистине учение К. Маркса и Ф. Энгельса неподвластно тлению времени. В основе их открытий будущих законов жизни лежали богатейшая культура, энциклопедические знания, огромный опыт революционной борьбы, помноженные на беззаветное служение Истине.

«Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его» — знаменитое высказывание Маркса встречает посетителей зала, рассказывающего о начале совместной деятельности будущих авторов «Манифеста» по разработке теоретических основ научного коммунизма. И тут взору экскурсантов представляется ряд документов, которые заставляют затаить дыхание. Вот письмо, в котором Энгельс описывает свою встречу с Марксом. Оно не может оставить равнодушным никого, ибо встреча эта лежала у истоков, вероятно, самой великой дружбы, которую когда-либо знало человечество. Далекий от собирания раритетов посетитель музея будет долго рассматривать уникальное издание «Святого семейства» — первого совместного труда Маркса и Энгельса, вышедшего во Франкфурте-на-Майне почти сто сорок лет назад. И тут же пожелтевшие страницы конспекта этой книги, исписанные знакомым ленинским почерком...

Вместе с экскурсоводом ребята уже перебрались в следующий зал, и Нелли Васильевна рассказывает им о выработке Марксом и Энгельсом первой программы коммунистического движения. За стеклом выставлена «Немецкая идеология» — одно из выдающихся совместных произведений пролетарских ученых. Именно в этом труде борцы за мировую пролетарскую революцию более чем за семьдесят лет до Великого Октября в России в полный голос провозгласили: «...Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть **господствующий** класс, но и потому, что **свергающий** класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества».

...Карандаш в руке человека еле дотрагивается до белого листа, «оживляя» фигуру сидящего за столом и вслух размышляющего Маркса. Рядом внимательно слушающий своего друга Энгельс. Сосредоточенное лицо художника отрешено от происходящего вокруг, и мне удается несколько минут наблюдать за его работой незамеченным. Потом мы обмениваемся первыми впечатлениями о наброске и, наконец, знакомимся. Леонид Козлов более двадцати лет жизни посвятил работе над образами Маркса и Энгельса и продолжателя их дела В. И. Ленина. За одну из книг художник был удостоен премии Ленинского комсомола. Несколько его работ находятся в музее.

— Я часто бываю в этом музее,— говорит Л. Козлов.— Недавно сделал и опубликовал серию рисунков, в основу которых был положен совместный труд Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией».

В зале, где развернута экспозиция, рассказывающая о создании Марксом и Энгельсом первой международной пролетарской организации, меня догоняет новая экскурсионная группа. В ее составе несколько человек из Африки. У многих из них в руках записные книжки, фотоаппараты.

— Ни Маркс, ни Энгельс не были борцами-одиночками, как их порой пытаются изображать буржуазные историки,— развивая высказанную мысль, говорит экскурсовод.— Главной целью всей их жизни было стремление соединить социализм с рабочим движением. И сегодня мы говорим о том, что их учение стало неотъемлемым орудием революционного преобразования мира...

Переводчик еще не успел до конца досказать фразу, а уже на лицах гостей из Африки засветилась улыбка. И становится ясно: каждый из них воочию убедился в этом на примере новой истории развивающихся стран африканского континента. Они берутся за фотокамеры, когда оказываются возле стенда с редчайшими экземплярами первого издания «Манифеста Коммунистической партии», появившимися в Лондоне в 1848 году. И тут же неожиданно один из них по-русски вслух произносит первую фразу «Манифеста»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

В зале появляется еще одна группа, за ней другая.

— Сколько посетителей побывало в музее со дня его открытия? — спрашиваю у заведующей экскурсионным бюро Надежды Михайловны Давыдовой.

— В прошлом году мы отметили двадцатилетие Музея Карла Маркса и Фридриха Энгельса,— говорит Н. Давыдова.— И за это время экспозицию осмотрело без малого полтора миллиона человек. Более чем из ста двадцати стран мира принимали мы гостей, а поток их с каждым годом все увеличивается и увеличивается. Только за последние несколько недель у нас побывали посланцы Болгарии, Чехословакии, ГДР, Италии, Дании, ФРГ, Греции, Венесуэлы, США, Замбии, Австралии...

— Причем многие делегации осматривают экспозицию не один раз,— вступает в разговор директор музея Николай Николаевич Иванов.— И это понятно. Ведь уникальные коллекции музейных материалов о жизни и борьбе Маркса и Энгельса за революционное переустройство мира, материалы о современном рабочем и освободительном движении, собранные в запасниках, насчитывают около ста тысяч единиц хранения.

Директор рассказывает о новых экспозициях, открытие которых будет приурочено к 100-летию со дня смерти и 165-летию со дня рождения Карла Маркса. В Доме политпросвещения МК и МГК КПСС в Москве будет открыта выставка «Карл Маркс — мыслитель, революционер, человек», которую подготовят сотрудники музея. На ней будет представлено несколько сот экспонатов. В ближайшее время в самом Музее К. Маркса и Ф. Энгельса будет открыто несколько новых залов, в которых разместятся дополнительные материалы об их жизни и деятельности после Парижской Коммуны. Специальный раздел посвящается деятельности Энгельса после кончины Маркса.

— К радости наших посетителей,—говорит на прощание Н. Иванов,— могу сообщить, что экспозиционная площадь Музея К. Маркса и Ф. Энгельса увеличится почти вдвое. Появится лекционный зал, обновим зал для просмотра фильмов. Все это позволит значительно увеличить и число экскурсантов.

...А они, оказывается, все еще не ушли. У альбома со знаменитой Исповедью Карла Маркса толпились ребята из 172-й школы. По очереди, неторопливо, переводя глаза слева направо (от вопросов к ответам), штудировали они анкеты, на вопросы которой, усталый после изнурительной работы над главами «Капитала», отвечал по просьбе своих дочерей Карл Маркс:

— Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях?

— Простота.

— Ваша отличительная черта?

— Единство цели.

— Ваше представление о счастье?

— Борьба.

Они еще долго оставались возле Исповеди, словно у прозрачного родника познания жизни.

Во время встречи. Фото ТАСС

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

2 марта в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с Председателем партии Фрелимо, Президентом Народной Республики Мозамбик Саморой М. Машелом. Во встрече приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко; с мозамбикской стороны — член Политбюро ЦК партии Фрелимо, секретарь ЦК партии Фрелимо по вопросам международной политики, министр иностранных дел НРМ Ж. Чиссано.

В ходе беседы, прошедшей в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы советско-мозамбикских отношений, которые строятся на прочном фундаменте Договора о дружбе и сотрудничестве от 31 марта 1977 года, а также ряд международных проблем, в том числе положение на юге Африки.

На беседе присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов.

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ

3 марта из Москвы в Берлин отбыл Председатель партии Фрелимо, Президент Народной Республики Мозамбик маршал Самора Мойзес Машел. Он находился в СССР с дружественным рабочим визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

На Внуковском аэродроме С. Машела провожали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

Проводы на аэродроме. Фото В. Мастюкова и Ю. Лизунова (ТАСС)

Москва. 5 марта 1983 года. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР. Фото А. Гостева

7 марта в Дели торжественно открылась VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Фото С. Кармалито (ТАСС)

ГОЛУБОЕ БОГАТСТВО

О. ПЕТРИЧЕНКО

Ученые утверждают, что Ленинград по обеспеченности водой занимает первое место среди крупнейших городов мира. Бассейн Невы составляет 282 300 кубометров, он включает 3,5 тысячи рек и 50 тысяч озер. Прибавьте еще ту изрядно докучающую нам воду, что бесконечно льется сверху. В общем, с точки зрения уставшего от вечной сырости горожанина, с H_2O в Ленинграде явный перебор. Ну, а что думают по этому поводу специалисты?

— Все это верно,— улыбнулся моим соображениям начальник отдела ленинградского водопровода М. Б. Захаревич.— А знаете ли вы, сколько Ленинград «выпивает» воды за день? 3 миллиона кубометров. Это сток весьма приличной реки. И каждый год потребление вырастает на 150—200 тысяч кубометров. Город растет вширь и ввысь, строит новые кварталы, наращивает мощности производства. И пока воды хватает. Но плохие мы были бы хозяева, если бы не учитывали этого роста и не начали борьбы за экономию уже сейчас. Именно поэтому уже сейчас занялись мы анализом причин, вызывающих потери воды. И выяснили, что прежде всего экономию надо наводить на наших водопроводных станциях, оснащенных по последнему слову техники. И тем не менее именно здесь, мы, в частности, обнаружили, что неоправданно много воды уходит на промывку фильтров. Промывать их приходится водой самой высокой кондиции, и, чтобы снизить ее расход, новаторы занялись улучшением технологии, совершенствованием системы водоарматуры. Была разработана новая конструкция затворов, осуществленная работниками Южной станции Н. М. Глухманом и В. Я. Дрызловым. Ну, а весь комплекс мероприятий позволил сэкономить сразу 10 процентов чистейшей воды, уходившей ранее на собственные нужды.

Более трудная задача — контроль за состоянием водопроводной системы города, растянувшейся почти на 4 тысячи километров. Наверное, каждому из нас доводилось быть свидетелем такой картины: на ровном, что называется, месте, просачиваясь сквозь асфальт, начинает вдруг пульсировать неизвестного происхождения фонтан. Искушенный житель города тут же побежит к ближайшему телефону, дабы оповестить соответствующую службу об аварии на водной магистрали. А не побежит — сам же без воды сидеть будет, пока ремонтники не выручат. Они, как правило, не заставляют себя ждать. Но коли дело дошло до прорыва, значит, зряшный расход воды будет исчисляться многими кубометрами.

Как предупредить эти потери? Разумеется, проводится соответствующая профилактика, строго по графику идет замена отслуживших свое труб, но коррозия, блуждающие токи и иные, непредсказуемого порядка явления делают свое неблаговидное дело: вдруг падает давление в сети, на место предполагаемой утечки выезжает поисковая бригада. Но вот беда: аппаратура, которой она сейчас располагает, еще не позволяет точно определить сквозь асфальт возможный район «бедствия». Поэтому наша лаборатория АСУ решила привлечь на помощь электронику и занимается сейчас созданием первой в стране автоматизированной системы управления технологическими процессами в этой сфере. С помощью специальных датчиков любое нарушение на трассе тут же будет зафиксировано на пульте дежурного диспетчера. Контролируемая электроникой магистраль в случае нарушения сама доложит и о месте повреждения и о диаметре пострадавшей трубы. Это — недалекое будущее.

— Ну, а сейчас?

— Сейчас у нас одна из самых важных фигур — водопроводчик,— отвечает Захаревич.— От состояния сантехники квартир зависит общий расход воды. Разумеется, важна и сознательность жильцов, нередко еще тратящих воду совершенно бездумно, льется, мол, и ладно — все едино дешевая. Разумеется, стоят в подвалах на водомерных узлах общие счетчики, но на то они и общие — замеряют, так сказать, коллективную сознательность. Ну, а коли не дорос до нее человек? Впрочем, будем надеяться, что откровенных транжир у нас немного. Но вот с сантехникой беда. Наша контора «Водосбыт», торгующая водой, нередко проводит выборочные проверки, и еще не было случая, чтобы в обследованных домах царил полный порядок. Как правило, сантехника неисправна в той или иной степени везде. Контора сообщает свои претензии Ленжилуправлению, а оттуда отвечают, что меры, мол, приняты, техник такой-то наказан, ЖЭУ возместит убытки. Ну и что? Приходим в следующий раз, все повторяется сначала: те же претензии, те же ответы. А водичка тем временем уходит впустую. И обезличенными штрафами ее не возместишь: конкретных норм расхода на конкретный дом не существует — сколько они расходуют, столько мы и обязаны давать своим трудом, щедростью Невы покрывая чужое разгильдяйство. Уверен, что положение изменилось бы в корне, если бы расход воды строго нормировался в расчете на каждый дом, а за ее перерасход отвечал бы начальник ЖЭУ или соответствующий техник штрафами из своего, а не из государственного кармана. Слышал, что подобный эксперимент проводится в Зеленограде. Надеюсь познакомиться с этим опытом и использовать его у себя.

Михаил Борисович привел любопытную цифру: «В среднем на свои коммунально-бытовые нужды каждый горожанин тратит за сутки примерно 300 (!) литров воды». Вдумываясь в реальное содержание этой цифры, с благодарностью вспоминаешь старый добрый деревенский колодец. Там наши потребности, образно говоря, «регулировало» коромысло — сколько ведер принесешь, столько и истратишь. А что нелегко дается, то бережливо тратится. Иное дело — кран: чуть шевельнул пальцами—и, пожалуйста, целое море к твоим услугам. И мало кто представляет, сколь много человеческого труда и сложнейшей техники требует каждый стакан столь просто достающейся нам воды. Не случайно, видимо, уровень ее потребления стал во всем мире одним из основных показателей общего уровня комфортабельности жизни. Подтянуть бы к этому возросшему у нас уровню еще и уровень сознательности.

И не только дома. До сорока процентов воды, достающейся городу, потребляет промышленность. Правда, здесь в отличие от ЖЭУ существует строго рассчитанный лимит для каждого предприятия. Укладывается оно в нормативы — платит 10 копеек за тысячу литров, не укладывается — платит уже 50 копеек. Строгость эта, однако, обманчива. Заплатив весьма солидный порой штраф, предприятие включает его... в себестоимость продукции, и таким образом за чье-то головотяпство расплачивается потребитель, то есть мы с вами, уважаемый читатель. Внакладе и «Водоканал» — несмотря на любые перерасходы, воду «вынь до положь», иначе сам же виноватым окажешься.

Серьезным ударом по такому расточительству будет принятое недавно решение включать в стоимость промышленной продукции стоимость истраченной воды по проектным нормам, а не по фактическому расходу.

Ленинградцы, чтобы точнее определить действительные потребности предприятий в драгоценном сырье, на каждом заводе, фабрике заводят сейчас специальные паспорта, в которых точно указывается, на что именно и сколько воды положено расходовать. Инспектор «Водоканала» стал частым гостем в цехах. Вникая в специфику и требования производства, он дает квалифицированные рекомендации, например, советует не «выбрасывать» в канализацию воду, использованную в цехе № 1, поскольку по своим техническим данным она еще вполне годится для соседнего цеха и т. п. Это нелегкая, но поистине творческая работа, весьма благодарная для государства, окружающей природы. И если до введения подобных паспортов, скажем, комбинат по производству лимонной кислоты расходовал 3360 кубометров воды в сутки, то сейчас он имеет реальную перспективу обходиться лишь 480 кубометрами. Аналогично в пять — десять раз планируется снизить потребление воды и на десятках других предприятий. Эффект, как видим, весьма ощутимый.

Приятно отметить и возросшую сознательность работников предприятий. На свои нужды большинство заводов и фабрик тратит воду, прошедшую все стадии дорогостоящей очистки. Как правило, и в графине директорского кабинета и в самом непритязательном технологическом процессе — одна и та же хрустальной чистоты и росной свежести ленинградская водичка, чай из которой, по свидетельству знатоков, получается едва ли не самым вкусным в стране. Грешно использовать такой деликатес где попало. Вот почему ряд объединений, таких, как «Светлана», «Кировский завод», и другие построили для своих нужд собственные станции, очищающие невскую воду лишь от плавающих механических примесей. Для большинства технологических процессов такой очистки вполне достаточно.

Говоря об экономии воды, нельзя обойти смежную с ней проблему охраны окружающей среды. Для такого крупного промышленного центра, как Ленинград, она особо актуальна уже потому, что воды Ладоги, Невы, Финского залива имеют относительно низкую температуру, а следовательно, невысокую способность к самоочищению. Вот почему столь большое внимание здесь уделяют широкому внедрению в производство систем оборотного и повторного использования воды. На острове Белом возводятся уникальные по сложности и эффективности сооружения, предназначенные для механической и биологической очистки сточных вод. Станция аэрации здесь будет одной из крупнейших в мире.

Вот так ленинградцы решают проблемы охраны и сбережения голубого богатства. Чтобы удовлетворить растущий спрос на воду, здесь недавно введен в строй мощный комплекс второй очереди Северной водопроводной станции, проектируется следующий. А это, в частности, означает, что для моего приятеля и тысяч других новоселов, живущих в высотных домах, перебои с водой отошли в область преданий.

Творческий подход проявили работники ленинградского управления «Водоканал», успешно начав нужное, равно полезное и государству и природе дело.

МЫ—ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ОГОНЕК

МЫ—ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Международный конкурс «МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ!» (Страницы из семейного альбома) «Огонек» проводит вместе с Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. В 1983 году эта поистине массовая организация дружбы отмечает свой четвертьвековой юбилей. Вместе с нами в конкурсе участвуют братские журналы «Фрайе Вельт» (Общество германо-советской дружбы), «Пшиязнь» (Общество польско-советской дружбы) и «Орсаг-вилаг» (Общество венгеро-советской дружбы).

ЗАДАНИЕ ДЛЯ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ РЕШИЛИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КОНКУРСЕ:

•

ПОЛИСТАЙТЕ СВОЙ ДОМАШНИЙ ФОТОАЛЬБОМ, ВЫБЕРИТЕ ИЗ НЕГО ОДНУ ИЛИ НЕСКОЛЬКО ФОТОГРАФИЙ, ЗАПЕЧАТЛЕВШИХ ВАШУ ВСТРЕЧУ С ЛЮБОЙ БРАТСКОЙ СТРАНОЙ СОЦИАЛИЗМА, РАССКАЖИТЕ О ТОМ, ЧЕМ ПАМЯТЕН И ДОРОГ ВАМ ЭТОТ СНИМОК.

•

Мы обращаемся к нашим читателям, кто участвовал в освобождении Европы от фашизма. Пришлите нам фотографии тех незабываемых лет и расскажите о ваших встречах в те дни.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! **Название конкурса нам подсказали ваши письма. Сегодня мы публикуем строки из них.**

Дорогой «Огонек»!

Я взялся за перо для того, чтобы предложить читателям журнала написать всем вместе летопись нашей дружбы со странами социализма. Пусть это будет конкурс писем читателей, посвященный интернационализму!

Но вначале несколько слов о себе. Я родился в Прилуках, на Украине, в 1931 году, и, думаю, моя судьба типична для моих ровесников. Мне было 10 лет, когда разразилась война, и в эвакуации, на Урале, я окончил школу. После вуза мы вместе с женой поехали в Сибирь. Строил заводы в Красноярске, Ачинске, в Братске трудился на лесопромышленном комплексе. Мы полюбили этот край, там у нас родился сын Саша.

Воспоминаний о прожитом много, но среди них, пожалуй, самые яркие — годы командировки на Кубу. Вот об этом я хочу рассказать подробнее.

Мы приехали с женой на Кубу в январе 1971 года, поселились в городе Нуэвитас, где строился завод азотных удобрений.

Расскажу об одном эпизоде. На снимке, который я посылаю в «Огонек» (я — слева стою!) рядом со мной руководитель монтажного департамента Сирилло Армас и бригадир кубинских монтажников Санчес. Мы сфотографированы почти на пустой площадке, виден только рельсовый путь, по которому должны были подавать оборудование. Отсюда предстояло поднять стотонную «этажерку» и четыре аппарата (колонны для получения азотной кислоты) высотой в 70 метров, весом 72 тонны каждый.

Уже вернувшись на Родину, я в одном из номеров журнала «Куба» увидел наше сооружение. Выглядело внушительно! На верхней площадке одного из аппаратов развевались два флага — наш и кубинский.

Хорошо помню, какой энтузиазм овладел нами, когда был поднят первый аппарат. Именно тогда на верхотуру поднялись наш сибиряк Саша Степанов и кубинец (не помню, к сожалению, его имени) и укрепили два флага.

Начался подъем в день памяти Че Гевары. Когда стемнело, «этажерку» удалось поднять только наполовину. Из-за темноты работу пришлось остановить. И тут кубинцы — участники строительства — собрались на митинг.

Утром следующего дня подъем продолжили. Кубинцы старались сделать все, чтобы работа шла полным ходом. Друзья вызвались трудиться всю ночь. И действительно, утром я увидел кубинского сварщика, который варил всю ночь и уже едва держался на ногах. Я сказал ему: «Ты настоящий герой! Но нужно отдохнуть, а русский сварщик закончит работу».

Теперь, когда завод построен и уже работает, можно сказать, что наши друзья сделали почти невозможное: не имея необходимых технических знаний, построили современное, сложное химическое производство, по существу, завод-автомат. Судите сами: на строительстве работало полторы тысячи кубинцев и около ста советских специалистов — рабочих, инженеров, монтажников. Так что большая часть работ была выполнена самими кубинцами, руками таких, как Санчес. Они быстро перенимали опыт у наших рабочих, таких, как новгородцы Юрий Му-

FREIE WELT

magazyn ilustrowany przyjazn

Мы ждем также писем от тех, кто был свидетелем рождения социалистических государств в Европе.

●

Можно с уверенностью сказать, что в семейных фотоальбомах читателей «Огонька» хранится много снимков студенческой поры. Рядом с вами в аудитории, на субботнике, во время отдыха объектив запечатлел вашего зарубежного друга. Напишите о том, как вы познакомились и подружились. Чем привлек вас этот человек и как помог узнать и понять свою страну?

●

Особое место в сотрудничестве братских стран социализма занимает обмен опытом между рабочими коллективами предприятий, научными учреждениями, вузами, школами.

В домашних альбомах наверняка есть снимки, сделанные во время вашей командировки в одну из дружественных стран, или снимки вашего делового партнера, который приезжал в СССР. Поделитесь своими впечатлениями об этих встречах! Чем конкретно привлекает вас опыт друзей? Какую взаимную пользу приносят такие прямые деловые контакты?

●

И, наконец, что вы знаете об истории возникновения Обществ дружбы в СССР и за рубежом? Расскажите о работе отделений этой организации в вашем городе, на заводе, в институте, в школе. Какие наиболее интересные мероприятия вам запомнились и почему? Какие предложения вы могли бы внести в планы дальнейшей работы?

НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ИЗ ПРИСЛАННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ФОТОГРАФИЙ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В «ОГОНЬКЕ» И НА СТРАНИЦАХ БРАТСКИХ ЖУРНАЛОВ.

Награды конкурса:

Первая премия — три советских участника конкурса совершат зарубежную поездку, а трое лауреатов из братских стран приедут в Советский Союз.

Вторая премия — три советских и три зарубежных читателя получат подписку на «Огонек» на 1984 год.

Третья премия — пять советских и пять зарубежных победителей получат памятные сувениры.

ВНИМАНИЮ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА! НЕ ЗАБУДЬТЕ НА КОНВЕРТЕ НАПИСАТЬ: «НА КОНКУРС «МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ!» (Страницы из семейного альбома).

МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ ДО 1 ИЮЛЯ. СРОК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПО ДАТЕ ПОЧТОВОГО ШТЕМПЕЛЯ. МАТЕРИАЛЫ НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СНИМКОВ И ДОКУМЕНТОВ.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ В АВГУСТЕ ЭТОГО ГОДА.

рычев и Иван Лось, Иван Дульнев, заслуженный строитель из Новомосковска, Саша Степанов из Иркутска.

Тогда, на Кубе, мы с женой впервые оказались так далеко от Родины и поняли, как много она значит для нас. Поняли мы и другое: некоторые из достижений нашей страны, которые для нас, советских людей, уже стали привычными,— это образец того, к чему стремятся наши кубинские друзья, во имя чего они работают, не жалея сил! И, вернувшись в Новгород, я захотел рассказать людям об этой стране и ее народе. У меня есть фотографии, слайды и даже небольшой любительский кинофильм. Я стал выступать с лекциями о Кубе и убедился, как интересуются люди этой страной.

Мы с женой часто листаем наш семейный фотоальбом, подолгу останавливаясь на кубинских фотографиях. И мы подумали: а ведь подобные снимки, наверное, хранятся у многих советских людей, которым приходилось, как и нам, жить и работать за рубежом. Такое понятие, как интернациональная помощь СССР народам, вставшим на путь самостоятельного развития, для нас всех наполнено нашим участием в жизни этих стран. Было бы, на наш взгляд, интересно, если бы читатели прислали в «Огонек» фотографии из своих домашних альбомов и рассказали о своих друзьях.

С уважением
Евгений ТУРОК

Новгород.

Дорогие друзья!

С 1975 года я получаю и читаю «Огонек» и, пользуясь случаем, хочу передать привет советскому народу, верному другу Болгарии! Пусть и впредь так же энергично, так же успешно советский народ строит здание социализма, бескорыстно помогая всем народам в борьбе за мир и лучшую жизнь! Я очень интересуюсь жизнью СССР и потому стараюсь принимать участие во всевозможных конкурсах и викторинах, посвященных вашей стране.

Вас, дорогие друзья, я благодарю за интересные материалы, которые были напечатаны в «Огоньке» в год 60-летия образования СССР, по республикам. Спасибо вам большое!

Мне хотелось бы предложить некоторые темы для «Огонька» в 1983 году. Я предлагаю, чтобы журнал и впредь постоянно печатал материалы, рассказывающие о культурном и экономическом развитии автономных республик и краев. Как было бы интересно познакомиться с Якутской автономной республикой или, скажем, заочно совершить путешествие в Коми АССР, где, как известно, уже много лет трудятся мои соотечественники!

Хотелось бы в вашем журнале увидеть репродукции картин советских художников, которые запечатлели стройку века — БАМ. У нас в селе мы любим часто устраивать для родных и друзей маленькие художественные выставки, и я был рад познакомить с такими работами посетителей моей «домашней выставки».

Людей, интересующихся жизнью СССР, нашим сотрудничеством, интернациональной дружбой, в Болгарии очень много. Почему бы «Огоньку» не организовать на эту тему конкурс или викторину?

С дружеским приветом
Васил Димитров НИКОЛОВ.

Село Черница, округ Бургас, Болгария.

Здравствуй, «Огонек»!

Вот уже тринадцать лет работаю воспитателем в профтехучилище. Дело свое очень люблю. С утра до вечерней линейки я с ребятами. Наше училище окончили сотни юношей и девушек из Вьетнама. Они вернулись домой слесарями, токарями, фрезеровщиками — словом, людьми рабочих профессий, которые так нужны у них на родине. И я горжусь, что получили они эти профессии здесь, в Грузии.

У нас в училище есть семейный альбом, вернее, много альбомов, пачки писем.

Вот твердый, уверенный почерк Та Минь Суана, который оставил перед отъездом домой страницы из своего дневника. Он начинает рассказ с приезда в Москву:

«Дул ветер, погода была холодная, но на душе было очень тепло. Первые дни в СССР вызвали у меня неописуемый восторг. Я не мог найти нужных слов для выражения своих мыслей и чувств даже на своем родном языке».

Потом он приехал в Тбилиси.

«На первом курсе,— пишет Суан,— для нас было главным изучение русского языка. Было трудно, потому что русский отличается от нашего языка по звуковому и грамматическому строю. Особенно трудно было с произношением».

И дальше: «Как радостно! Сегодня я говорил по-русски тридцать минут без перерыва. Такого результата я от себя не ожидал...»

Потом наступил второй курс.

«...Рабочие, начальники, служащие цеха принимали меня и моих друзей, как родных людей. Первый мой мастер — теплый, задумчивый и добрый человек — всегда терпеливо объяснял мне элементы нашей работы. Он заботился обо мне, как о родном сыне. Если я ломал резцы, портил станок (а это снижало его показатели!), он никогда не обижал меня, говорил: «Сейчас не умеешь — потом научишься». Так и было. После второго курса я стал рабочим. Могу делать детали на станках, ремонтировать их, регулировать».

И заканчивает:

«Я уезжаю на родину, но советский образ жизни, образ солнечной Грузии навсегда останутся в моей душе».

Молодец, Суан! Красный диплом получил. И пишет он по-русски просто здорово! Может, другие ребята овладели языком не так хорошо, но нашу жизнь они воспринимают, как и Суан. Я думаю, мы сумели сделать их полезными для родины.

Нгуен Динь Тиен работает наладчиком на заводе сельскохозяйственного оборудования недалеко от Ханоя. «Нашу продукцию,— пишет он,— ждут крестьяне долины Меконга. Она необходима им, как дождь для урожая...»

«Здесь много советских специалистов,— это строки из письма нашего бывшего ученика Нгуен Тхе Тханя с гидроэлектростанции Шонг Да,— и среди них двое из Грузии. Мы встречаемся, я разговариваю с ними по-грузински, и нам очень приятно...»

У нас старое училище. Скоро будем справлять полувековой юбилей. За подготовку рабочих кадров для республики мы награждены орденом Трудового Красного Знамени. И вот в декабре 1980 года возвращаюсь я из командировки в Кампучию, открываю в самолете очередной номер газеты «Правда», и такая радость — наше училище награждено орденом Дружбы Социалистической Республики Вьетнам! Так оценила дружественная страна нашу работу. Недавно мы попрощались с последней группой вьетнамских выпускников. Теперь в классы пришли будущие рабочие Кампучии.

Нугзар ЛОЛУА,
заместитель директора профтехучилища № 6

Тбилиси.

Вьетнамские девушки, получившие специальность токаря, со своим наставником Нугзаром Лолуа. Снимок сделан 7 ноября 1973 года.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ДАВАЙТЕ ПОСЧИТАЕМ»

Под таким заголовком в «Огоньке» (№ 18 за 1982 год) было опубликовано интервью с начальником Союзглавтары Н. И. Лыковым. Разговор шел об острой проблеме — использование тары. Что же делается для решения вопросов, поставленных в публикации? В редакцию поступило письмо от члена коллегии Госплана СССР К. В. Малахова, который пишет:

«Выступление правильно отражает положение с тарой и упаковкой. В целях более полного обеспечения потребности народного хозяйства в таре установлены задания по строительству и вводу в действие специализированных тарных предприятий, а также задания по разработке и производству новых видов экономичной тары и современного технологического оборудования. Начиная с 1983 года в государственных планах союзных республик, а также в планах министерств и ведомств СССР вводится раздел «Производство тары». Реализация намеченных мер позволит значительно улучшить обеспечение народного хозяйства тарой в ближайшие годы».

Пришло письмо и из Министерства торговли СССР. Начальник финансового управления министерства В. Ф. Бирюков сообщает, что в системе Министерства торговли СССР осуществлен ряд мер, направленных на более рациональное использование тары в торговых предприятиях и организациях. Создается и расширяется сеть специализированных тарных баз в республиканских министерствах торговли. Внедряются специальные контейнеры для доставки товаров, что позволяет существенно улучшить технологию их движения от промышленного предприятия до торгового зала магазина, высвободить значительное количество деревянной и картонной тары, а главное, сократить товарные потери.

В бухгалтерской отчетности по издержкам обращения общая статья расходов и потерь по таре теперь разделена на две статьи: «расходы по таре» и «потери по таре». Это позволило более четко анализировать расходы, связанные с операциями по таре, и выявлять потери, связанные в основном с бесхозяйственным отношением к ней.

«Улучшение использования деревянной и картонной тары,— продолжает тов. Бирюков,— по нашему мнению, во многом зависит и от предприятий Госснаба СССР. Сеть тарных складов и баз в системе Госснаба постоянно расширяется, но централизованный вывоз тары из торговых предприятий ведут далеко не все. Еще в 1980 году Госснаб СССР должен был организовать в Москве переработку всей тары (не используемой по прямому назначению) на древесноволокнистую и стружечную плиту, с тем чтобы «погасли костры», о которых упоминается в публикации. Однако до сего времени эти вопросы не решены.

Кроме того, для увеличения ресурсов деревянной и картонной тары считали бы целесообразным, чтобы тароремонтные предприятия Госснаба СССР принимали от торговых предприятий для повторного использования ящики и картонные коробки из-под поступающих по импорту цитрусовых плодов и яблок».

«Качество изготовляемой тары, ее технический уровень не отвечает современным требованиям, что создает трудности в реализации готовой продукции и приводит к ее потерям,— пишет нам начальник объединения «Союзпищетара» Минпищепрома СССР В. К. Султанов.— Минпищепром СССР в текущей пятилетке планирует значительно расширить объем производства тары и упаковки, придавая наибольшее значение экономичным видам тары из картона, бумаги и других полимерных материалов. В 1985 году предполагается довести производство полиэтиленовых ящиков и лотков до 10,6 миллиона штук. Это позволит обеспечить народное хозяйство экономичным видом тары, сэкономить более 1,4 миллиона кубометров древесины и получить 14 миллионов рублей экономии».

Итак, некоторые вопросы решаются. Но считать, что проблема исчерпана, преждевременно. Урон, потери от несовершенной тары или от ее отсутствия все еще непомерно велики. Поэтому мы предполагаем вернуться к проблеме, рассмотреть ее на конкретных примерах.

●

«ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ РОМАНТИКИ»

«Огонек» за последнее время дважды выступал с материалами (№ 21 за 1982 год «Путешествие без романтики» и № 43 за 1982 год «И вновь — путешествие без романтики»), в которых речь шла о крупных недостатках в обслуживании пассажиров на железной дороге.

Редакция получила письмо от заместителя министра путей сообщения Б. Д. Никифорова, в котором сообщается, что министерством принимаются меры по устранению недостатков, отмеченных в статьях «Огонька».

«Для улучшения организации продажи билетов произведены расчеты необходимого количества билетных касс в зависимости от изменения пассажиропотока. Организован оперативный контроль за использованием и распределением мест в пассажирских поездах. Для этой цели создано специальное Центральное бюро при Главном пассажирском управлении и группы технологического контроля на железных дорогах.

На Северо-Кавказской железной дороге рассмотрены отмеченные в статье факты неудовлетворительного обслуживания пассажиров и технического содержания вагонов в поезде № 335 Ростов — Москва. За низкое качество ремонта внутреннего оборудования вагонов старший мастер Кемечеджиев В. Г. и сменный мастер Гажа В. Н. освобождены от занимаемых должностей.

За бесконтрольность за работой прачечной и низкое качество постельного белья начальнику вагонного депо Ростов-Главный Хомякову А. А. и начальнику вагонного отдела Ростовского отделения Северо-Кавказской железной дороги Сутулову К. Н. объявлены выговоры.

Приняты меры по обеспечению пассажиров достоверной информацией о прибытии и отправлении поездов на Казанском вокзале Москвы. Организована круглосуточная продажа билетов на транзитные поезда на вокзале в Волгограде.

На железных дорогах в настоящее время имеется около 140 фирменных поездов, в которых обеспечивается высокий уровень комфорта и сервиса, они хорошо зарекомендовали себя у пассажиров.

Что касается поезда № 47/48 «Иртыш» Омск — Москва, то этот поезд по праву считается одним из лучших. Трудности в работе, о которых писала комсомольско-молодежная бригада этого поезда, действительно имели место, и руководством службы вагонного хозяйства и вагонного депо Омск-Пассажирский приняты меры по их устранению.

В целях обеспечения необходимых удобств пассажирам Министерством путей сообщения разработаны мероприятия по дальнейшему улучшению организации перевозок пассажиров и повышению уровня их обслуживания на железнодорожном транспорте».

Министерство путей сообщения и в будущем должно принимать решительные меры по улучшению обслуживания пассажиров, чтобы железнодорожный транспорт по уровню комфорта отвечал современным требованиям.

●

«ЗЛОДЕЙКА С ЧУЖОЙ НАКЛЕЙКОЙ»

В «Огоньке» (№ 33, 1982 год) был опубликован критический репортаж К. Барыкина «Злодейка с чужой наклейкой». Он рассказывал о бракоделах из объединения «Минеральные воды Армении». Первый заместитель прокурора Армянской ССР Н. Тороманян информировал редакцию о принятых мерах. Позже в редакцию пришло письмо министра пищевой промышленности Армянской ССР А. Даниеляна, который сообщает, что статья «Злодейка с чужой наклейкой» рассмотрена на заседании коллегии Министерства пищевой промышленности Армянской ССР.

С целью коренного улучшения работы заводов минводы («Севан» и других) разработаны и осуществляются дополнительные мероприятия. Они направлены на обеспечение качественной мойки, герметичной укупорки бутылок, фильтрации воды, насыщения углекислым газом минеральной воды, улучшения санитарных условий производства, товарного вида продукции.

Приняты административные меры наказания по отношению к виновным в выпуске недоброкачественной продукции. Объявлен строгий выговор главному инженеру производственного объединения «Армминводы» В. Оганесяну, директору завода «Севан» Э. Тонояну, заведующему снабсбытовой базой М. Александряну.

Генеральный директор производственного объединения «Минеральные воды Армении» С. Давтян освобожден от занимаемой должности.

На заводы розлива минеральных вод для оказания практической помощи направлены специалисты санитарной инспекции, технологической, химико-микробиологической и других служб министерства.

ФОТОГРАФИИ, ПОМЕЩЕННЫЕ НА ВКЛАДКАХ, ВЗЯТЫ ИЗ АЛЬБОМА «СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАНЕТА», 1982.

Москва. Обелиск в честь достижений советского народа в освоении космического пространства.

---

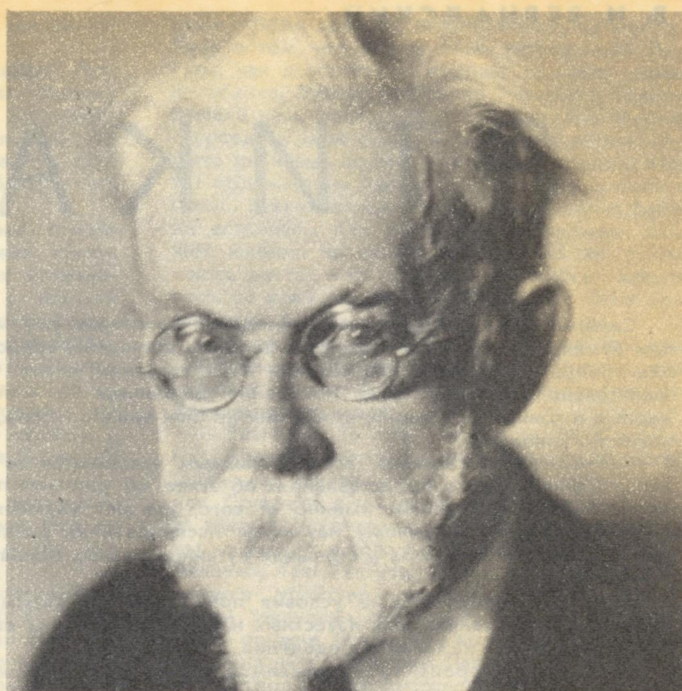
12 марта исполняется 120 лет со дня рождения крупнейшего ученого и мыслителя В. И. Вернадского. Владимир Иванович был не только одним из основоположников отечественной геохимии — его глубоко волновали многие вопросы естествознания.

Некоторое представление о разносторонности интересов ученого дает публикуемое в журнале вступление к его статье «Этика».

Работа писалась в середине 80-х годов прошлого века, во время учебы В. И. Вернадского на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Работа осталась незаконченной, мы впервые публикуем вступление. Хранится рукопись в Архиве Академии наук СССР.

Этические проблемы волновали В. И. Вернадского на протяжении всей его жизни, особенно его интересовал вопрос о научных основаниях этики.

«Я придаю огромное значение вопросам этики»,— писал ученый почти шестьдесят лет спустя после этой юношеской работы.



ПРЕДВИДЕНИЕ

Писать о Вернадском трудно. Как ни парадоксально, но творчество большого русского ученого и мыслителя, избранного в Академию наук в 1906 году, мало изучено, часть его работ до сих пор не издана. Литература о Вернадском тоже весьма противоречива: в 20—30-е годы идеи ученого во многом были неверно истолкованы. Но главная трудность, вероятно, заключается в том, что и как ученый и как философ он намного обогнал не только свое время, но и наше и «за каким-то поворотом еще ждет нас».

С каждым годом растет общественный интерес к работам В. И. Вернадского, к его разносторонней, яркой, удивительной личности. Не случайно именно в последнее десятилетие изданы его многие работы, на его авторитет все чаще ссылаются геохимики и почвоведы, биологи и геологи, специалисты по экологии и атомной физике, исследователи живого вещества, Земли и космического пространства.

Естествоиспытатель по складу ума и души, постоянно вглядываясь в таинства природы, Вернадский смело вторгался и в гуманитарные науки: в его трудах ярко проявилось стремление к синтезу естественных и гуманитарных проблем. Историю природы он рассматривал в тесной связи с историей человеческого общества. На этом фундаменте создавалось стройное здание мировоззрения ученого.

Его волновало все: история Земли как планетарного тела, место человека в системе научного знания, использование «лучистой энергии» атома, вопросы этики, морали, проблемы любви, исторические события, организация высшего образования... По всем этим вопросам оставил он научные работы, статьи, дневниковые записи, заметки, письма, доклады. Они рассеяны по многочисленным рукописным и печатным трудам ученого, хранятся в архивах.

Задача, стоящая перед автором книги о Вернадском, недавно вышедшей в издательстве «Наука», была чрезвычайно сложна. Доктор философских наук И. И. Мочалов занимается исследованием творчества и жизни ученого давно. Естественнонаучным и философским основам мировоззрения Вернадского была посвящена докторская диссертация И. Мочалова, защищенная двенадцать лет назад. В новой книге анализ творчества ученого значительно дополнен рассказом о его яркой личности, приводится огромное количество неопубликованных материалов, хранящихся в Архиве Академии наук СССР. Эти интереснейшие источники не просто используются автором от случая к случаю, но фактически положены в основу книги. Часто слово предоставляется самому В. И. Вернадскому или хорошо знавшим его людям и авторское изложение как бы на время замещается текстом первоисточника. С Мочаловым можно согласиться — этот прием оправдан со всех точек зрения.

Жизненный путь В. И. Вернадского прослежен в книге с детских лет до того тягостного дня, когда ученый скончался. Он не дожил всего несколько месяцев до нашей великой Победы над фашизмом, которую предвидел с первого дня войны. «Не смерть была посеяна на его могиле, а жизнь, полная величия и радости, веры и творчества»,— сказал после кончины своего друга А. Е. Ферсман.

Родился В. И. Вернадский 12 марта 1863 года в Петербурге, но вскоре его семья переехала на Украину, в Харьков. Сам Владимир Иванович характеризовал себя как «русского по культуре и по всему укладу своей жизни, правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной». Здесь прошли его первые гимназические лета, здесь уже потом, через много лет, он, известный русский ученый, становится основателем Украинской Академии наук, ее первым президентом. Не раз отмечал Вернадский, что ему выпало счастье учиться в Петербургском университете — средоточии передовой научной и общественной мысли России. Он слушал блестящие лекции знаменитых Менделеева, Бекетова, Докучаева, Сеченова, Бутлерова... Особенно большое влияние на научное творчество будущего ученого, на его личность оказали Менделеев и Докучаев, которыми Владимир Иванович глубоко восхищался. Докучаева он считал всю жизнь своим учителем.

В 1885 году В. И. Вернадский оканчивает университет. Его оставляют при Минералогическом кабинете, и со следующего года молодой кандидат естественных наук назначен хранителем коллекций кабинета. В том же 1886 году происходит другое важное событие жизни Владимира Ивановича — венчание с Натальей Егоровной Старицкой. 56 лет прожили супруги в любви и согласии и полном взаимопонимании. Владимир Иванович пережил свою любимую жену и верного друга лишь на два года...

Начиная с детских лет вел В. И. Вернадский дневниковые записи. Автор неоднократно обращается к ним, они придают книге об ученом особую достоверность, искренность. Вот, ожидая решения любимой девушки, Владимир Иванович пишет: «Все мысль о Наталье Егоровне не покидает меня, и я никак не могу сосредоточиться. Какая пытка!.. В ответе ее вся моя жизнь. Я это чувствую, хотя и не понимаю, как это со мной случилось. Что делать? И я повесил руки, что со мной никогда не бывало, я готов просить у других совета — того и гляди, попадешь под чье-либо влияние. Себя не узнаю».

А это запись ученого во время революции 1905 года: «Всюду чувствуется большая реальность осуществить республику. Кто же может быть выставлен как кандидат в президенты от социал-демократов? — Ленин?» Ученый не теряет веру в победу и тогда, когда революция жестоко подавлена и часть русской интеллигенции переживает глубокий душевный кризис. «Историю нельзя повернуть назад,— пишет он в 1908 году.— Народ, в невероятной обстановке развивший мировую литературу и мировое искусство, ставший в первых рядах в научном искании человечества, не может замереть в полицейских рамках плохого государственного управления. Он может терпеть поражения,— но в конечном итоге он останется победителем».

Приведу еще несколько дневниковых записей, удивительно точно характеризующих облик ученого, силу его предвидения.

Канун Великого Октября. «21 октября. Атмосфера тревожная, как будто накануне гражданской войны...

6 ноября. Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации... Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции... великий народ будет жить... Думаю о новых научных работах.

И. И. Мочалов. Владимир Иванович Вернадский. Издательство «Наука», М. 1982. 488 с.

Строитель * Тюменский газопровод.

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

ЭТИКА

Самыми главными вопросами, представляющимися уму мало-мальски думающего человека, являются вопросы этические, вопросы о том, как следует вести себя при тех или иных условиях жизни. Очевидно, желательно, чтобы условия поведения опирались на мало-мальски верные и точные основания, чтобы они не шли вразрез с тем, что ныне известно человеку.

Нет никакого сомнения, всем и каждым чувствуется та шаткость, какая царит теперь в представлениях об этике, об условиях поведения. Такое положение зависит именно от того, что нет удачных попыток подчинить строго истинному научному исследованию данные этики, что здесь царит еще вера и страшная путаница разных отживших, ложных объяснений.

(Попытки, определяющие условия поведения, мы видим в самых древних установлениях нам известных народов. У древних египтян мы находим указания на такие определения...)

Оставляя в стороне то сознаваемое всеми нами положение, что установление известных условий поведения найти желательно и необходимо найти, обратимся к изучению того, какими путями могут быть найдены условия поведения. Здесь возможны два метода исследования: а) метод сравнительно-исторический и б) метод чисто научный, т. е. такой, который истекает из той связи, какая представляется следующей между условиями поведения и совокупностью всех наших прочих знаний. Значение и доказательность обоих методов не одинакова, но при решении данного вопроса надо применять их оба, хотя с совсем разными целями. Верное представление о поведении, настоящие условия поведения могут быть даны только вторым методом: если только поведение, действительно, зависит от всего общего нашего знания, значение же первого метода совсем иного рода; он может указать нам только степень достоверности каждого из нами добытых положений, так как, очевидно, наше знание условно, а также отчасти ответить на вопрос о степени зависимости его от всех остальных наших знаний и позволит узнать, чтó из принимаемых нами знаний есть ложно понятое или слишком высоко поставленное в связи вообще с современным состоянием культуры. Я не думаю, чтобы он мог иметь иное значение, кроме определения степени достоверности, совершенно как в математике [мы] пользуемся тем или иным способом для определения степени достоверности данного вывода, и еще значение могучего критического ориентира. Необходимо также сравнение в таких вопросах историко-сравнительного метода со способом наименьших квадратов и т. п.

Но и тот и другой метод может быть с успехом применен только тогда, когда будет доказано отсутствие необходимой связи этики с религиозными верованиями, когда окажется, что отнесение этических вопросов к области религии произошло по недоразумению и за себя не имеет многих данных. Такое исследование должно необходимо предшествовать [исследованию этических проблем] именно теперь, [когда] разгорается борьба с религиозными учениями — борьба, далеко не всегда полезная, далеко не всегда ведомая с ясно сознанной целью. Религия, прежде обнимавшая философию всего человеческого знания, теперь сильно ограничена в своем поле; ей оставлена только область внутренней жизни человека — область этики. Так думают помирить между собой науку и религию большинство современных мыслителей.

Мы видим, однако, что ничего хорошего из такого отнесения этики в область религии не происходит, и пора давно решить, на чем же основывается подобное отнесение этики в эту область.

Если, действительно, есть данные, заставляющие относить этику в область религии, т. е. в область, где нет места научному исследованию, тогда покажется безнадежным все искание праведной жизни. Мне кажется, то изменение нравственности, которое мы видим, показывает уже на непринадлежность этики к религии. Или не есть ли вся религия — недоразумение?

Если бы удалось доказать положительно, что нет никакой надобности относить этику в область религии и что все, это утверждающие, не имеют за себя никаких фактов или данных — многое бы выяснилось и многое было бы понятно. Сама религия стала бы лишней. И как вначале религиозные верования сослужили свою службу, помогли развитию человечества, так теперь среди значительной части населения Земли она является вредным и опасным орудием регресса. Она может разрушить то, что создано ее же работой.

Когда это будет доказано, можно будет применить оба эти метода. Сперва необходимо подвергнуть критике ныне существующие «принципы» нравственности и затем уже приступить к научному исследованию. Таким образом, три части:

I. Независимость этических принципов от религиозных учений.
II. Критика современных учений о поведении.
III. Научное исследование учения о поведении.

Обе первые части представляются необходимыми вследствие современного положения дел, вследствие невозможности приступить к исследованию вопроса, хоть несколько не показавши несостоятельности как этики религиозной, так и вообще того пути, каким шли в последнее время этические исследования.

Публикуется впервые.

---

14 ноября... Несомненно в большевистском движении очень много глубокого, народного. Демократия показала свое лицо — то, которое она постоянно показывала в истории. В критический момент покажет и свою энергию...» В 1942 году Вернадский пишет в одном из писем: «...Варварское нашествие немцев и их союзников не могут иметь опору в реальности. Они обречены». Строчка из письма того же 1942 года: «Я много думаю теперь над организацией работы в международном масштабе после разгрома немцев. Это очень важный вопрос». И глубоко личная запись 1943 года, после смерти дорогой жены: «Иногда забываешь и хочется сказать что-то Наташе, и вдруг вспоминаешь, что ее нет и не будет». И опять о том, что волнует весь мир: «Великие построения — о единстве всего живого — заменяют фантастическими представлениями о неравенстве людей. Дикари проводят свою дикую миссию, которая неизбежно должна кончиться крахом... Научная мысль оказалась силой по сравнению со звериной этикой Гитлера и Муссолини и их шайки».

И самые последние дневниковые записи, сделанные незадолго перед кончиной: «Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы». А рядом: «Сейчас, к окончанию войны, моральное значение в мировой среде русских ученых должно сильно подняться... Мировое значение русской науки и русского языка в мировой науке будет очень велико, раньше — небывалое». О своем докладе на совещании по минералогии он записывает в дневнике: «Доклад будет моей лебединой песней».

Он умер 6 января 1945 года, 82 лет от роду.

В течение долгой жизни В. И. Вернадским было чрезвычайно много сделано для русской и мировой науки. И. И. Мочалов рассказывает об этой стороне жизни ученого наиболее подробно, постоянно подчеркивая новаторское значение его научных и философских идей.

Взять хотя бы исследования ученого в области радиоактивности. «Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических процессов. Мы,— говорил Вернадский,— дети XIX в., на каждом шагу свыклись с силой пара и электричества, мы знаем, как глубоко они изменили и изменяют всю социальную структуру человеческих обществ, больше того, как глубоко они меняют более мелкую бытовую обстановку человеческой личности, охватывают самые медленно сдвигающиеся навыки и привычки, переживающие без изменения целые исторические периоды. А теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению... С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового союзника и защитника».

Кажется почти невероятным, но эти пророческие слова были сказаны ученым в... 1910 году! Именно он в первые годы после Октябрьской революции прикладывает усилия для создания Радиевого института, Урановой комиссии Академии наук. С тревогой спрашивал ученый: сумеет ли человек воспользоваться атомной энергией, направив ее на добро, а не на самоуничтожение?

Большое внимание уделяет автор книги формированию новаторского учения Вернадского о создании ноосферы — сферы воздействия человеческой деятельности, человеческого разума на природные процессы. И. Мочалов показывает, что основные идеи учения о ноосфере формировались постепенно. Оно вырастало из конкретных естественнонаучных работ Вернадского, из его концепции биосферы — области жизни на Земле, из его исследований геологической деятельности человечества в истории нашей планеты.

«Книгой жизни» называл В. И. Вернадский свой огромный научный труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Именно эту работу можно рассматривать как научное завещание ученого. Философским же его завещанием была работа «Научная мысль как планетное явление», где он показывает связь своих идей ноосферы с научным коммунизмом, идеалом будущего человечества.

«Вернадский — Ломоносов XX столетия» — эта главная мысль автора, по существу, пронизывает всю книгу. И действительно, Вернадский своими новаторскими, подлинно эпохального значения работами, своим размахом научного творчества, своей энциклопедичностью может быть сравним с великим Ломоносовым.

В узком смысле эта связь выражается в том, что именно Вернадский в XX веке развил идеи, высказанные Ломоносовым в XVIII веке, о роли химических процессов в геологии, о месте живого вещества в развитии Земли. В широком смысле их кровная связь выражается в том, что каждый сумел выразить с исчерпывающей полнотой сущность и главные тенденции развития науки своего времени, хотя и намного опередил его.

Сейчас, когда в связи со 120-летием со дня рождения В. И. Вернадского были впервые опубликованы некоторые документы, связанные с его личностью, когда появились научные статьи, посвященные работам ученого, его идеям, с особой силой вспыхнул общественный интерес к жизни и творчеству Вернадского.

Думается, что книга И. И. Мочалова о Вернадском, написанная с позиций ученого-философа, но достаточно занимательно и доходчиво, с интересом прочтется самым широким кругом читателей.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Владимир КАШИН

РОМАН

Чужое оружие

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

II

— Да что вы, товарищ капитан! — едва не подскочил на стуле майор Литвин.— Что вы подсовываете, Юрий Иванович? Новую версию? Ни в какие ворота она не лезет! Зачем Кульбачке убивать людей? Да и не способна она на такое. Мало что — алиби не установлено! Глупости все это. И где б она пистолет раздобыла?

Капитан Бреус давно не видел своего начальника таким взволнованным. Даже присутствие Коваля не особенно сдерживало майора, и он вовсю ругал начальника розыска.

— Вместо того, чтоб быстрее покончить с этим делом, уложиться в сроки, вы придумываете себе работу там, где ее нет, и стараетесь всех запутать.

Капитан побледнел. Бреус славился среди сотрудников не только волевым характером, но и выдержкой. В том случае, когда считал себя правым, повлиять на его поступки и заставить действовать иначе, чем он думал, мог только приказ.

В данном случае о приказе не могло быть и речи. Работа проходила творчески, каждому участнику оперативной группы разрешалось иметь свое мнение, пока под нажимом фактов и доказательств не вырабатывалось единое,— и капитан Бреус не уступал.

В ответ на гневную тираду начальника милиции Бреус повторил вслух свою мысль:

— Можно ли так просто отбросить Кульбачку, у которой нашли ключ Лагуты, ее ночную вылазку в дом убитого, отсутствие алиби, забыть о ее странных взаимоотношениях с Лагутой, и кто знает, может, ревновала она не меньше, чем Иван Чепиков? Наконец, ее следы, оставленные во дворе, возможно, в тот вечер, когда произошло убийство?

Докладывая майору, Бреус изредка поглядывал на Коваля, который одинаково внимательно слушал обоих офицеров. Дмитрий Иванович умел слушать не перебивая.

— Вот еще что беспокоит меня,— добавил капитан,— где деньги и драгоценности, принадлежащие Кульбачке? На протяжении долгих лет она работала в торговой точке, работала нечестно, нарушала правила торговли, кроме того, спекулировала и, естественно, обогащалась. Ее не раз наказывали, но она находила себе покровителей, и только теперь удалось привлечь ее к ответственности. Но где же ее деньги?

— Ну, знаете ли! — вспыхнул майор Литвин.— Это сейчас нас не интересует, потому как к делу об убийстве, я думаю, не имеет никакого отношения. А то обстоятельство, что ее следы обнаружены во дворе Лагуты, еще ни о чем не говорит: она к нему бегала чуть ли не каждую ночь.

— Ну, а деньги! — не желая спорить с майором в отношении следов, продолжал стоять на своем капитан.— Таинственное их исчезновение. Уже известно, что у Ганки с Лагутой была любовь, что они собирались после смерти мужа Ганки покинуть Вербивку. Лагута доверил ей ключ от дома, а он был не из тех, которые каждому встречному отдают ключи. Возможно, что и деньги и золото, которое мы изъяли при обыске, принадлежали не ему, а Кульбачке. Значит, она должна была бы их забрать...

— В огороде бузина, а в Киеве дядька!..— воскликнул майор.— Он, кстати, тоже был не из бедных,— добавил уже потише.— Так что могли быть и его деньги.

— Такая огромная сумма? — не соглашался Бреус.— Откуда? Разве что кого-нибудь ограбил? Работал мало, больше баклуши бил. Конечно, допустима и ваша версия, но как тогда объяснить, зачем понадобилось Кульбачке залезать ночью в чужую хату? Я думаю, ей со всех точек зрения не просто было решиться на такой шаг. Но она надеялась, что мы не обнаружим тайник с ценностями. Только это могло заставить ее решиться на ночную вылазку. А совсем не любовные письма, как она старалась нас убедить.

При последних словах Бреуса подполковник Коваль оживился и кивнул головой, не то одобряя слова капитана, не то подтверждая какие-то свои мысли.

— Мое дело доложить,— скромно закончил начальник уголовного розыска.

Бреус не курил и поэтому не мог, как другие, заполнить затянувшееся молчание крепкой затяжкой. Он понемногу приходил в себя, слегка постукивая тупым концом карандаша по столу.

Дмитрий Иванович Коваль, не вдаваясь в дискуссию, не меньше Литвина или Бреуса стремился побыстрее разобраться в этом запутанном клубке событий, так неожиданно затянувшемся. Уже дважды из Киева звонил полковник Непийвода, интересовался, как идут дела. Звонили из областного управления, напоминали, правда, несколько деликатнее, чем начальник райотдела, о сроках. Торопила и прокуратура. Но он считал, что в данном случае поспешность может только навредить, и, если резко потянуть за нитку, которая начала выбиваться из клубка, она оборвется.

— А какие были отношения между Ганной Кульбачкой и Марией, вы интересовались? — спросил Коваль, доставая из пачки «Беломора» папиросу.

— Нет,— отложив в сторону карандаш, ответил капитан.— Тут и так понятно, что между ними, кроме вражды, ничего и быть не могло. Слух о том, что Мария была любовницей Лагуты, как я установил, пустила по селу сама Кульбачка. Думаю, неспроста. Наверное, подыгрывала нам, дескать, все ясно: гуляла Мария с соседом, муж узнал и застрелил обоих, вяжите ревнивца, судите — и дело с концом. Кто тут подумает на Ганку? Здесь товарищ майор прав... Всяких видел, но такую хитрющую бабу не встречал... Как змея. Я не возражаю, может, именно Чепиков и стрелял, но не успокоюсь до тех пор, пока не разберусь, какую роль во всем этом играла Кульбачка. Уже достаточно фактов собирается против нее.

— Я ее еще раз допрошу,— сказал Коваль.

Начальник уголовного розыска решил, что подполковник поддерживает новую версию. Но Коваль вдруг сказал:

— Разгадка, по всей видимости, не в этом... Мы идентифицировали пули, которые вытащили из ствола дуба, куда стрелял Чепиков. Сравнили с той самой пулей, которой убита Мария. Установили, что все они выстрелены из одного и того же пистолета типа «парабеллум». Так? Так. Но и до сих пор не нашли оружие убийства — самого пистолета. Надо, Юрий Иванович, приложить все усилия, чтоб найти оружие. И наконец выяснить три момента: имел ли оружие сам Лагута? Где мог Чепиков потерять свой пистолет? Кто мог его найти?..— Здесь Коваль сделал многозначительную паузу: — И в-четвертых: в самом ли деле он его потерял? Ведь и это еще не доказано...

— Совершенно верно,— с удовлетворением поддержал Коваля майор.— Здесь, как говорят, нечего ходить вокруг да около. Найти оружие убийства — и дело с концом. Можно передавать в прокуратуру.

Коваль вздохнул, показывая всем своим видом, что мысль он свою не закончил. А когда Литвин умолк, добавил:

— Очень важно не только установить участников трагедии, но и представить себе картину событий.

«Чепиков или не Чепиков?! Кульбачка или не Кульбачка?!» Сейчас Коваль не называл никаких фамилий, стараясь пока не давить своим авторитетом на коллег.

Он поднялся, посмотрел в окно на уже хорошо знакомый пейзаж: река, лес, мельница, часть улицы,— над всем этим, подтягивая тени, начало подыматься солнце,— и сказал:

— Поедем в село.

III

Подполковник в поисках доказательств не брал пока на себя главную роль. Не отказываясь от первой версии: убийца — ревнивый муж, он все же оставлял место и для других.

Отпадая, ошибочные версии подчеркивали истинность именно той, какую нельзя было отбросить. Пожалуй, так решаются задачи «от противного». А потому отсутствие добавочных версий всегда настораживало Дмитрия Ивановича.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—10.

Но прежде чем давать толкование событию и отвергать ошибочные версии, следует сопоставить их, столкнуть одну с другой. Удобней всего это делать на бумаге и в определенный момент розыска и дознания. Дмитрий Иванович усаживался за стол и составлял всевозможные графики. В этих графиках стрелочками он отмечал взаимоотношения людей, интересующих его, и противоречия, возникающие между ними, обстоятельства, окружающие их. Постепенно возникали новые черточки, и напряженная кривая событий подымалась до кульминационного узла трагедии.

В деле Чепикова пока что все начиналось с очень скромных записей.

В графе под знаком «минус» были перечислены следующие пункты:

1. Незаконное хранение пистолета.
2. Побег с места убийства.
3. Следы крови супруги на одежде, а на руках — крови Лагуты.
4. Постоянные ссоры с Марией и пьянство.
5. Нескрываемая ненависть к Лагуте.

Но в то же время в деле Чепикова были и положительные моменты:

1. Честно воевал — всю войну на передовой.
2. Служебные характеристики: работящий, выдержанный.
3. До этого года не пил, хороший семьянин, любил супругу.
4. Положительные отзывы вербивчан.

Осталось невыясненным и попало в графу со знаком вопроса:

1. Истинная причина разлада в семье?
2. Почему начал пить?
3. Ревность — как мотив преступления?
4. Где потерян пистолет?
5. Да и потерян ли?

В деле Ганны положительная графа осталась незаполненной. Зато под знаком «минус» появилась запись:

1. Спаивала Чепикова.
2. Тайная торговля самогоном и краденым.
3. Алиби сомнительное. Во дворе Лагуты вечером восьмого июля остались следы.
4. Ночное вторжение в дом убитого.

Осталось под вопросом:

1. Каким образом у нее оказались ключи от дома Лагуты?
2. Связано ли это с убийством?
3. Что объединяло Ганну Кульбачку с Петром Лагутой?
4. Не могла ли восьмого июля возникнуть ссора? На какой почве?
5. Что у нее за характер? Не ревнива ли она?
6. Каковы были взаимоотношения с Марией Чепиковой?

Заполнив столбики, Коваль задумался. Собственно, ничего нового эти заметки не давали для размышления. Здесь были плюсы и минусы, вопросы, касающиеся личности и поведения Чепикова, вопросы, которые он собирался уточнить сначала с Ганной, потом с односельчанами. Ответа на главный вопрос нет, и запись Коваля не удовлетворила.

Изучая трагедию в Вербивке, Дмитрий Иванович понимал, что ограничиться одними лишь разговорами нельзя. Дело это сложное, кровь двух людей пролилась не случайно, и очевидно, что тяжелое преступление явилось кульминацией каких-то личных пристрастий.

А как узнать эти пристрастия, если главных действующих лиц, конечно, не считая Чепикова и Кульбачки, нет уже в живых?

И подумал тогда Коваль, что придется ему разговаривать-то и с Марией и с Лагутой, как с живыми, в надежде, что они подскажут тайны, ушедшие вместе с ними.

Он взял новый лист бумаги и размашисто написал: Лагута.

Под этой надписью появился новый столбик вопросов:

1. Что за человек Лагута? По-разному о нем рассказывают Чепиков, Степанида Клименко и Ганна Кульбачка. Еще раз расспросить вербивчан.
2. Зачем Лагута приваживал к себе Марию?
3. Каковы между ними взаимоотношения? Как развиваются?
4. Почему он такой нелюдимый? Почему нет семьи?
5. Что связывало Лагуту с Ганной Кульбачкой?

Затем он написал: Мария. И здесь заполненной оказалась только графа вопросов:

1. Почему Мария тянется к Лагуте?
2. Были ли основания у Ивана Чепикова ревновать ее?
3. Какую роль играла Степанида Клименко во взаимоотношениях между дочерью и соседом?
4. Что за связь была с Ганной Кульбачкой?

Коваль еще раз посмотрел свои записи: Лагута, Мария... Заполнена только колонка со знаком вопроса.

Коваль попытался представить себе Марию — тихую, кроткую, несколько угловатую в движениях, с приятным бледным лицом: само счастье глядело из ее больших, серых глаз.

Дмитрий Иванович отодвинул исписанные листы бумаги и поднялся. Постоял немного возле стола, потом широкими шагами принялся ходить взад и вперед по номеру гостиницы.

Так он ходил долго, тяжело размышляя, тихо разговаривал сам с собой.

Мария воды не замутит, но она и не открылась. Вместо нее перед его мысленным взором предстала невысокая, невзрачная, похожая на серенькую птичку-невеличку Ганна Кульбачка.

«Неужели,— рассуждал Коваль,— все-таки Ганна Кульбачка?.. Капитан крепко взялся за нее, и последнее доказательство у него очень весомое...

...Черт возьми, много в чем Юрий Иванович прав!» — была следующая мысль у подполковника.

Известно, что она встречалась с Лагутой, была его любовницей и собиралась за него замуж.

Но это ей не удалось.

Почему? Разве после смерти мужа Ганна не стала свободной и не могла на законном основании оформить свои отношения с Лагутой? Почему этого не произошло? Что помешало? Или «кто» помешал?

«Итак, во-первых...» — задумчиво повторил Коваль. Он подошел к стене, быстро провел по ней пальцем и, казалось, неожиданно нашел нужный ответ.

Не прошло еще и года после смерти мужа. И перед людьми им неудобно. Ведь они верующие или, может, пыль в глаза пускают...

А может, Лагута не захотел?

А почему?

Для Лагуты она женщина подходящая, да и привык он к Ганне — сколько лет хозяйничала в хате, хотя и скрытно от людей. Она и деньги у него прятала. Бреус прав, утверждая, что конфискованные у Лагуты ценности и большая сумма денег принадлежат Ганне. Вообще капитан, как местный житель, хорошо знает здесь каждого.

И Лагута и Кульбачка вместе своему богу молились, вместе и дела вершили... Ганне этот человек был, по-видимому, не меньше нужен, чем Мария Ивану Чепикову.

Кто же помешал Ганне Кульбачке окончательно скрепить свой союз с Лагутой? Не Мария же!.. А впрочем...»

Напряженно размышляя, подполковник вышагивал по комнате, растирая пальцами следы мела.

«Почему надо утверждать, что ревнивый муж Иван Чепиков мог застрелить свою супругу и Петра Лагуту как любовников и почему нельзя допустить, что здесь имеет место ревность Ганны Кульбачки? Разве она не могла убить Лагуту — фактически своего мужа и заодно супругу Чепикова Марию, которая встала на ее пути!..»

Неожиданность собственных выводов поразила самого Коваля. Он остановился посреди комнаты и проворчал: «Честное слово, в этом что-то есть!»

Он подошел к открытому окну, выходившему во двор гостиницы, без единого зеленого деревца и потому за целый день сильно нагревавшегося от солнца, и прислонился лбом к теплому деревянному косяку.

— В этом что-то есть, что-то есть...— повторил негромко.

Неторопливо подошел к столу, налил из графина воду и одним махом осушил стакан.

Во дворе загоготали кем-то вспугнутые гуси.

«Почему ж мы не хотим допускать, что в такой же мере это правомочно, как и сама версия, что убийца — Чепиков?»

Коваль выглянул в окно, но ничего интересного не увидел. Надо было закрепить эту мысль, и Коваль продолжал размышлять дальше.

«Итак, если сравнивать эти версии... Первая: «убийца — Чепиков» — построена на целой цепочке второстепенных доказательств, некоторые из них могут восприниматься как прямые: на его одежде и руках кровь убитых, поймали его на месте преступления, у него нет алиби. Но у Кульбачки тоже нет алиби, и для того, чтобы выстрелить в человека, совсем не обязательно близко подходить к своей жертве и оставлять следы крови на одежде. Кстати, это соображение работает и в пользу Чепикова.

Чепиков сознался, что незаконно хранил парабеллум , из которого стреляли.

Но Чепиков заявляет, что оружие потерял до происшествия. Можно допустить, что парабеллум действительно им утерян возле ларька Ганны Кульбачки. Но там никого не было. Значит, продавщица подняла и спрятала пистолет. Тем более, что она уже видела однажды, как пьяный Чепиков обронил парабеллум на тех же «дубках».

И снова вопрос об алиби... Нет, не Ганны Кульбачки. Об алиби Ивана Чепикова...

— Если хотите знать,— произнес Коваль вслух в пустой комнате, словно разговаривал с невидимым свидетелем обвинения,— Чепиков располагает бо́льшим алиби, чем Кульбачка. Почему? Да очень просто.

Тут психологическая неувязка в поступках: из ревности застрелить предавшую его жену вместе с ее возлюбленным и тут же бежать от них... Если бы стрелял в состоянии невменяемости, то потом, осознав, что сделал, мог бы и себя застрелить. Учитывая его вспыльчивый характер, можно допустить, что он это совершил в состоянии крайнего возбуждения.

А у Кульбачки веского алиби нет. Приходила она вечером к Лагуте? Очень может быть. Даже наверняка. Хотя по отпечаткам следов с точностью до часа определить почти невозможно. Вот и Николай Гоглюватый заявляет, что Кульбачка прибежала к своему дому после выстрелов. Правда, шофер был тогда выпивши, а как известно, у нетрезвого человека чувство времени смещается. Но следственный эксперимент показал, что продавщица могла добежать от Лагуты к своему дому всего за несколько минут. К тому же если учитывать ее состояние после преступления, когда от страха летит человек как стрела... «Нет, я пока что не верю алиби Кульбачки, не верю...» — сам себя убеждал Коваль.

«А способна ли Ганна Кульбачка поднять на человека руку? Далеко не каждый может стать убийцей, даже в момент аффекта... Если бы найти парабеллум . Это решило бы все. Ведь на нем остались отпечатки пальцев убийцы».

Он снова стал напряженно думать. Представил лицо Кульбачки, которое постоянно изучал на допросах: нервное, подвижное, при хорошем настроении — мягкое, ласковое, временами окаменевшее, упрямое, а то вдруг — с едва заметной хитрецой; вспомнился взгляд — несколько угасший, словно она вот-вот закроет изможденные глаза, а то и неожиданно резкий, сверкающий из-под дрожащих век.

Вербивчане рассказывали, как Ганка «задабривала» своих клиентов и как она способна была оборвать любую женщину, если та не собиралась отдавать за мужа долг или уговаривала не отпускать водку без денег.

«Способна она на убийство или не способна?»

Ответить на этот вопрос Коваль сегодня еще не мог.

Дмитрий Иванович был убежден, что человек от самого себя никуда не уйдет и, несмотря на любые хитрости, при самом большом желании выставить себя в ином свете, чем есть на самом деле, он остается самим

собою. Задача следователя состоит в том, чтобы поставить человека в такие условия, в которых невольно проявилась бы его истинная сущность.

Запомнился рассказ Эдгара По, где герой произведения Дюпен уверяет, что, разгадывая чужую душу, необходимо поставить себя на место своего противника. Только так, по его мнению, можно понять и раскрыть преступника. При этом он подсказывал способ отождествления. Устами мальчишки, который всегда побеждает своих ровесников, Дюпен советует придать своему лицу точно такое выражение, как у противника,— и тогда, мол, и мысли и чувства у обеих сторон станут общими и все тайны будут раскрыты...

Наивный совет вызвал у Дмитрия Ивановича снисходительную улыбку.

Версию «убийца — ревнивая Ганна Кульбачка» после новых сведений капитана Бреуса подполковник не только имел право допустить, но и должен со всей ответственностью проверить. Эта версия становилась такой же значительной, как и первая, где в роли убийцы выступал Чепиков.

Молодой, энергичный капитан Бреус вызывал у Коваля доверие: наблюдательный, умный, настойчивый, один из тех людей, которые от цели не отступают, на компромисс не идут и при исполнении своей нелегкой службы находят достаточно сил и решительности.

Вот и теперь Бреус разрабатывает версию о причастности Ганны Кульбачки к убийству. За последнее время Дмитрий Иванович видел, как растет молодежь, которая приходит на смену ветеранам.

Расхаживая по комнате, Коваль, наконец, подошел к столу. Устало опустился на стул и снова принялся просматривать свои записи. У Коваля накопилось много вопросов, не умещающихся ни в какие рамки, но работа с карандашом в руках подталкивала мысли, и подполковник чувствовал, что скоро он выйдет на истинный путь.

Теперь мысленно он уже возвратился к Марии. Она интересовала его не меньше — эта болезненная женщина, на нежном лице которой навсегда застыло выражение скорби.

«Мария, Мария...— Коваль тихо выстукивал пальцами по столу.— Женщина слабая, экзальтированная, склонная к истерии и самопожертвованию. Когда-то такие уходили в монастырь... Людей, подобных Марии, привлекает все недоступное разуму — таинственное, сверхчеловеческое. С болью в сердце они любят смотреть, как быстро катятся колеса трамвая или поезда, представляя себя лежащими на острых сверкающих рельсах, их словно магнитом тянет под решетку приближающегося паровоза или на самый край отвесной скалы; в одиночестве они с томительным наслаждением пробуют пальцами лезвие ножа и, замирая от страшно-сладкого чувства побратимства со смертью, ощущают в руке тяжесть заряженного пистолета...»

При последних словах он словно поставил точку в своих размышлениях. Коваль схватил ручку и дописал в графе против имени «Мария»: «Личность, склонная к самоубийству».

Потом дважды подчеркнул эту фразу и подумал: «Не это ли ключ к разгадке?.. Не отыскала ли она пистолет с тем, чтобы в тяжелую минуту уйти из жизни? Но для этого у нее должны быть серьезные причины,— сразу возразил себе подполковник.— А кто тогда Лагуту застрелил?! Не сходятся концы с концами!»— подумал он.

Еще какое-то время сидел Коваль над бумагами, потом сложил их в папку и встал.

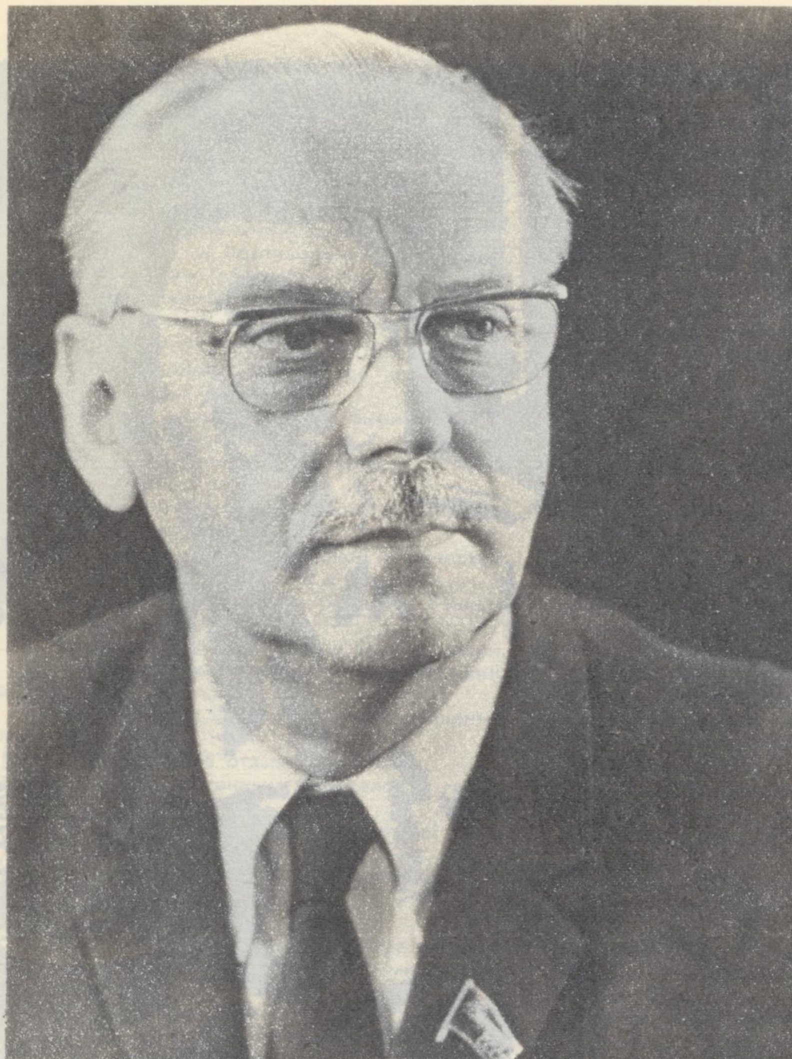
Продолжая все еще размышлять о неразгаданных сторонах события, он взял под мышку папку, закрыл комнату и вышел на улицу.

Несколько секунд постоял на крыльце и, оглядевшись, точно решая, куда ему направиться, спустился на мостовую и пошел в райотдел.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

МУДРОСТЬ СЕ



К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. МИХАЛКОВА

Николай **ДАМДИНОВ**

Большой писатель своим творчеством входит в жизнь миллионов читателей. Он, сам того не подозревая, становится частью биографии многих и многих людей. Особенно завидна участь тех, кому дано волшебное умение писать для детей. В этом случае знакомство с их творчеством происходит еще в детские, школьные годы, а такая встреча незабываема.

Вспоминается отчий мой край, далекий таежный Курумканский район Бурятии — это к северо-востоку от Байкала.

Школа здесь, как и в Тунгене, была бурятская, но русский язык изучался в ней очень активно.

Преподавательница бурятского языка Ариадна Раднаевна одновременно развивала в нас и любовь к русской речи. Заметив во мне явную тягу к декламаторству, она дала мне задание выучить к первому же школьному вечеру стихотворение на русском языке. Сначала она мне сама прочитала это стихотворение, чтобы я запомнил правильные ударения в словах, произношение слов. Стихотворение называлось «Граница», автором был Сергей Михалков.

> В глухую ночь,
> В холодный мрак...—

так начиналось стихотворение, и эти скупые, сжатые строки создавали атмосферу тревоги, опасности.

Я помню, как легко — буквально с трех-четырех повторных чтений вслух — я выучил это стихотворение: удивительно просто, складно оно было написано. Так Сергей Владимирович, сам не ведая о том, вошел и в мою жизнь.

А впервые увидел я Михалкова в пятьдесят третьем году, учась в Литературном институте в Москве. Мы, студенты, часто ходили на вечера поэзии. На одном из них выступил Сергей Владимирович. Юмор его был тонок и неотразим. Бывают юмористические стихи, рассчитанные на невзыскательного читателя, они грубы и смахивают на плохие анекдоты. Юмор Михалкова предполагает в читателе человека культурного, развитого, начитанного. Аудитория наградила поэта на том вечере радостными аплодисментами. Перед нами на сцене стоял спортивного склада, высокий (дядя Степа!) мужчина лет сорока. Помнится, я удивился его молодости: мне он представлялся значительно старше (в детстве учил его стихи!). Секрет объяснялся просто: Сергей Михалков приобрел широкую известность в литературе очень молодым. В двадцать два года он напечатал стихи, сделавшие его имя популярным.

Истинное произведение детской литературы, как правило, обладает одной особенностью: оно читается с равным интересом и детьми и взрослыми. Смелость в подаче материала, свежесть, новизна, радостные неожиданности, мастерское владение языком, юмор — все это обязательно должно присутствовать в произведении для детей. И всем этим условиям с избытком отвечали стихи, с какими пришел в литературу в 1933—1935 годах Сергей Владимирович Михалков.

Есть одно чудесное свойство, которое бывает присуще людям с богатой и доброй душой: став взрослыми, эти люди сохраняют в себе лучшие порывы детских лет. В стихотворении «А что у вас?» по ходу повествования автор с замечательным юмором показывает особенности детской психологии. Все знают, каков бывает спор детей — тут и перехватывание через край, и перескакивание с предмета на предмет, и нетерпеливое перебивание друг друга.

> — А у нас огонь погас —
> Это раз.
> Грузовик привез дрова —
> Это два,
> А в-четвертых, наша мама
> Отправляется в полет

(Совершенно потрясающе здесь: «А в-четвертых»!) Или еще: «Нам купили синий-синий, презеленый красный шар».

Мне вспоминается мой разговор с дочкой соседей — малюткой-первоклассницей.

— Как учишься? — спросил я.

— На четверки и пятерки!— радостно ответила она.

— Молодец! — похвалил я ее.— А тройки есть?

— Есть! — так же радостно ответила она.

Как тут было не улыбнуться, не погладить ее по головке за наивное прямодушие! Точно такие же добрые движения в душе вызывают и стихи Михалкова о детях.

«А что у вас?» — стихотворение многоплановое. В нем зримо дан городской пейзаж. Небольшая улица, но мы понимаем, что действие происходит в столице («А из нашего окна площадь Красная видна»). Стихотворение это глубоко демократичное. Все людские профессии равно достойны уважения: и летчик, и милиционер, и доктор, и повар делают нужное народу дело. («И спросила Нина тихо: «Разве плохо быть портнихой? Кто трусы ребятам шьет?») А две строки из этого стихотворения, ставшие крылатым выражением, звучат как формула любви детей к матерям:

> Мамы разные нужны.
> Мамы всякие важны.

В старину большие мастера, при постройке ли здания, при литье ли чугунной чаши, виртуозно выполняя свою работу, набрасывали еще штришок (в порядке сверхзадачи), чтобы понимающие люди потом удивлялись их умению. Так вот, в приведенном выше двустишии Михалков, пользуясь детской лексикой, сумел показать нечто большее, чем только любовь детей к матерям. Тут присутствует (невидная пока детскому взору) большая человеческая, взрослая нежность: «Мамы разные нужны. Мамы всякие важны». Автором попутно и блестяще решена сверхзадача.

По-разному приходят люди в литературу. Одни долго учатся мастерству, начальные опыты у них слабы, и лишь по написании нескольких книг приходит умение, и они создают зрелые произведения. У других на предварительную литературную учебу уходит очень немного времени. Такие писатели уже в начале пути создают выдающиеся произведения. Вспомним «Облако в штанах» Маяковского, «Разгром» Фадеева. Стремительно начинал свой путь в литературе Михалков. В 1935 году в журнале «Пионер» увидела свет знаменитая поэма «Дядя Степа»— автору ее исполнилось тогда двадцать два года.

Если взрослый человек включился в детскую игру, то он полностью и всерьез должен от-

даться игре, приняв все ее условия. Иначе будет притворство. Полностью и всерьез отдавался игре с детьми Гайдар, создавая свои замечательные произведения. Так же поступал и Стивенсон, автор незабываемого «Острова сокровищ». Такова природа творчества Михалкова — детского писателя.

Читателей покоряет интонационно богатый и точный язык произведений Сергея Михалкова. Очень удачно, органически вплетает поэт в свое повествование разговорные, народные выражения, бесконечно углубляя звучание стиха. «Повернется к зеркалам — вся портновская работа разъезжается по швам». «Дятел дятлу говорит: — До чего ж башка болит! Намотался вкруг стволов. Так устал, что нету слов!». «Весь укутанный, в постели мой щенок лежит пластом».

А сколько метких, крылатых выражений подарил читателям волшебник слова Сергей Владимирович Михалков! «Как растение мимоза в ботаническом саду». «В этой речке утром рано утонули два барана». «Если стричься решено, плакать глупо и смешно». «Мы с приятелем вдвоем замечательно живем». «И туча над ним вместо крыши, а вместо будильника — гром». «С постовым такого роста спорить запросто не просто». Я с радостью привожу эти цитаты и думаю, что читатель охотно вспомнит эти строки вместе со мной.

Призадумаемся еще вот над чем. Приведенные строки пришлись по душе детям, полюбились им. Но ведь, собственно, их можно причислить и к «взрослым» стихам! Обаяние поэзии Сергея Михалкова в том, что не автор нисходит до уровня детского восприятия мира, а, наоборот, читатель-школьник поднимается, растет, приобщаясь к жизнерадостному, мудрому творчеству поэта.

Есть мудрость ученого, философа. Она находит свое выражение в научных трудах, отвлеченных рассуждениях. И есть мудрость художника, поэта. Она выражается в зримых, ярких образах, передается через переживания, эмоции. Это мудрость сердца. Стихи для детей, написанные Сергеем Михалковым, пронизаны мудростью сердца, и потому они понятны детям и дороги взрослым.

Сергей Михалков работает в разных жанрах. Я начал с его стихов о детях и для детей, потому что эта линия в его творчестве — главная. Именно в области детской литературы им созданы произведения, которые вошли в золотой фонд советской литературы, стали классикой.

Но мастер есть мастер. Все, к чему ни прикоснется его талантливая рука, приобретает удивительную легкость и совершенство. В лучших традициях отца русской басни Ивана Андреевича Крылова и поэта советской поры Демьяна Бедного написаны шедевры Михалкова в этом виде поэзии.

Чутье не обмануло Алексея Николаевича Толстого, когда он как-то раз, в военную пору, обратился к Сергею Владимировичу:

— Тебе лучше всего удаются стихи, в которых ты идешь от фольклора, от народного юмора. Не начать ли тебе писать басни?

Алексей Толстой был прав. В стихах Михалкова для детей нетрудно разглядеть басенное начало. И гибкий язык, и юмор, присущий Михалкову, и мудрость сердца, которыми (как мы отмечали выше) наполнены его вещи,— все это сослужило поэту незаменимую службу, когда он начал писать басни. Успех был большой. Жанр, который одно время оказался незаслуженно забытым поэтами, снова явил себя миру в блеске и славе. «Слон-живописец», «Лев и Муха», «Заяц во хмелю», «Лев и ярлык» — что ни басня, то меткие наблюдения, остро-злободневные ситуации, наука жизни.

Жулики и хапуги, охотники до общественного добра, как известно, меньше всего поддаются увещеваниям, уговорам, взываниям к совести. «Пожалуйста, будьте добры, ах, как стыдно» — подобные выражения на них не действуют. Об этом басня Михалкова «Волк-травоед». «Вожак воров и сам матерый вор, Волк-живодер, как избежать облавы ни старался, а все ж попался». Состоялся суд, свидетели давали правдивые показания: «Зарезал здесь овцу, задрал теленка тут, а там свалить коня не посчитал за труд». И хотя улики были налицо, суд, проявляя гуманность, стал слушать, что скажет преступник в свое оправдание. Волк выступил — горячо, страстно. Он стал уверять, что волки давно «на травку перешли и на зерно, сменили стол мясной на овощной — зеленый». И суд решил, что нрав у волков изменился, и ограничился выговором Волку. Но это была ошибка.

А волки нападают до сих пор
Всё на стада, а не на огороды!

Басня суровая, осуждающая мягкотелость, близорукость, призывающая беречь народное добро.

От басен прямой путь пролегал к сатирическому киножурналу «Фитиль», который успешно возглавляет его главный редактор Сергей Владимирович Михалков. «Фитиль» пользуется любовью многомиллионного зрителя.

А театр? Это отдельная большая глава в творчестве Сергея Владимировича. Не будет ошибкой, если мы скажем, что существует целый «театр Михалкова». Пьесы «Зайка-зазнайка», «Я хочу домой!» «Дорогой мальчик», «Сомбреро» вызваны к жизни горячей любовью к детям, желанием способствовать их счастью, их разностороннему развитию. Постановки этих пьес неизменно становились праздником для благодарных зрителей. Пьесы Михалкова поставлены на сценах многих театров страны и за рубежом. Показательна следующая цифра: в апреле 1978 года москвичи увидели пьесу «Сомбреро» в 1000-й раз.

А какой популярностью у взрослых зрителей пользуются пьесы С. Михалкова, в которых он страстно и резко бичует пороки, еще бытующие в нашем обществе. Они созданы писателем в лучших традициях отечественной драматургической сатиры и с успехом идут на сценах театров нашей страны.

Человек, пишущий для театра, не может пройти мимо кино. Перу Сергея Михалкова принадлежит ряд сценариев, по которым поставлены интересные фильмы. Многие помнят, например, впечатляющий публицистически художественный фильм «Комитет 19-ти».

В жизни бывают, конечно, случайности. Но большие достижения, как правило, приходят к человеку закономерно. И закономерным был один из звездных часов в жизни Сергея Владимировича: я говорю о том счастливом дне накануне нового, 1944 года, когда С. Михалков и его друг и фронтовой товарищ Г. Эль-Регистан узнали, что текст, написанный ими в соавторстве, одобрен и утвержден как текст Государственного гимна СССР.

Во время Великой Отечественной войны С. В. Михалков был на фронтах, активно и плодотворно работая в армейской печати.

Беззаветное служение Родине одного из ведущих мастеров литературы достойно отмечено партией и правительством. В 1970 году Сергею Владимировичу Михалкову присуждена Ленинская премия. Он лауреат четырех Государственных премий СССР и лауреат Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского. А в 1973 году за выдающиеся заслуги в развитии советской многонациональной литературы и плодотворную общественную деятельность ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР С. В. Михалков с 1970 года возглавляет Союз писателей РСФСР.

Человек, написавший добрые и светлые книги, сам душой непременно добр и светел: иначе откуда же исходить этому свету и этой доброте? Как по-настоящему добрый человек, он непримирим к злу, ненавидит зло, борется с ним с разящей силой. Истинно русский человек, Сергей Владимирович глубоко интернационалистичен. Коммунист, он всю свою литературную и общественную деятельность посвящает торжеству ленинских идеалов в нашей жизни. Он молод душой и полон творческой энергии, интересных, задорных замыслов.

Улан-Удэ.

РДЦА

Анатолий Медников
СОРОК ТЕТРАДЕЙ

«СОРОК ТЕТРАДЕЙ» — СОРОК ЛЕТ

Если писатель, публицист через 20—40 лет возвращается в места, где закладывался сразу после войны фундамент первого цеха будущего завода-гиганта, где поднималась из шахты первая тонна новой руды, где со стапелей сходили первые новые корабли, где ставилась первая буровая вышка; и если живут в памяти писателя и его читателей люди, чьими руками и сердцами все это было добыто, возведено и построено,— значит, правильным был отбор событий и фактов, точны и убедительны, оказались его впечатления, оценки и выводы. Что ж, о публицистике автора более тридцати книг — романов, повестей, рассказов — писателя Анатолия Медникова можно сказать, что она выдержала столь непростое испытание временем.

Перед нами новая книга писателя — «Сорок тетрадей. Очерки разных лет». Сорок тетрадей за сорок лет — это как бы итоговая книга публициста. Сколько за эти годы было командировок, далеких и близких, счастливых и менее удачных, сколько было встреч с людьми самых разных профессий — и скромных должностей и высоких званий, сколько было замечательных событий и свершений, свидетелем и участником которых стал автор... И вот эти очерки, публицистические заметки и зарисовки собраны в одной книге.

Анатолий Медников принадлежит к военному поколению. Студентом ушел в истребительный батальон, войну закончил в Берлине. Был военным журналистом. В Литинституте учился у Паустовского и Федина.

«...Жизнь все время меняется, обогащается, развивается, и вместе с нею меняется и ее отражение в нашей документальной прозе и публицистике,— пишет А. Медников.— Это единый процесс, идущий во взаимовлиянии, в переплетении многих существенных связей». И в своей публицистике писатель верен этому принципу до конца. Через всю книгу проводит он идею преемственности лучших трудовых традиций, преемственности поколений самых разных профессий в самых отдаленных уголках нашей страны.

Давно написан Медниковым очерк о возрождении разрушенных фашистами азовских домен. Но и сегодня с волнением читаешь, как 27 ноября 1944 года (когда стране так нужна была сталь!) по проекту инженера Мамонтова была при восстановлении впервые в мире поднята на высоту 3,5 метра гордость отечественной металлургии одна из домен Южной Магнитки. Петр Алексеевич Мамонтов получил Государственную премию СССР. О подъеме мариупольской домны слагали стихи и песни, мариупольская история среди специалистов выросла в легенду, зазвучала как гимн смелости и таланту. Наверное, потому так тепло и очень достоверно написан Медниковым рассказ о человеке, строившем и восстанавливавшем «Азовсталь».

А труд нефтяников, осваивавших после войны промыслы «Второго Баку» и Кубани, и первопроходцев Самотлора, Нефтеюганска, Харасавэя второй половины 70-х годов — это тоже преемственность труда и творчества, благодаря которым и преобразовывается наш край.

Думается, главное, что удалось Анатолию Медникову в новой книге,— это показать нового человека нового времени. Показать эволюцию его характера, пусть не всегда простого, но всегда представляющего «гражданственный и художественный сплав особой чеканки». И если удалось писателю на исторической дистанции в сорок лет и широкой географии нашей страны отразить размах строительства и создать типологию рабочего класса — значит, он со своей страной всегда на ее переднем крае. А это ли не самое большое счастье для писателя, публициста, гражданина.

Марина СЕРГЕЕВА

Анатолий Медников. Сорок тетрадей. М., «Советский писатель», 1982, 432 стр.

САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В 1445 году во Флоренции «родился Алессандро, прозванный Сандро, от Мариано ди Ванни ди Амедео Филипепи и жены его Смеральды». Знали ли достопочтенный флорентийский дубильщик кожи и его супруга, что у них в доме на Новой улице, в квартале Санта Мария Новелла, произрастает не просто их сын Сандро — странный и непокорный малыш, а юное существо, пребывающее в своем особом мире, куда не было входа никому? Что все щелчки, пинки, нравоучения и угрозы, которые были обращены к мальчишке, совершенно не задевали его крошечное, но гордое сердце, в котором приютилась никем еще не ведомая красота?

Юный Боттичелли заглядывался на звездную россыпь Млечного Пути и запоминал навсегда теплые розовые блики утренней зари, мелькнувшие на склоненном над ним лице матери. Глаз Сандро с пронзительной остротой ощущал трепетную хрупкость серебристых паутинок и строгую четкость взметнувшихся в небо черных кипарисов и пиний. Он грезил, фантазировал, но всегда зорко всматривался в окружающий его дивный мир. Он прилежно наблюдал, как переплетались линии ветвей и белые силуэты античных статуй, как диковинно преображались под дуновением ветра формы облаков, плывущих по реке, пристально следил за причудливыми тенями, бежавшими за фигурами девушек. Прислушивался к пению птиц и шепоту сада.

Однажды Алессандро принес домой ветку цветущей черешни и заснул, обняв ее душистые побеги. Словом, он был мальчик необыкновенный.

Но ведь никто не знал еще одного секрета Сандро. Совсем рядышком с домом стояла церковь Санта Мария Новелла. Малыш частенько, пока его сверстники играли в мяч или купались в Арно, втихомолку проникал в темные, прохладные ее приделы, подолгу рассматривая фрески Мазаччо. Он, конечно, не знал тогда ни имени художника и, наверное, не понимал сюжета росписи, но у него в памяти осталось прекрасное, загадочное искусство. Когда он подрос, то стал уходить подальше от родительского дома, бродил и глядел, глядел на фрески, статуи, прекрасные храмы Флоренции. Так он постигал душу своего города. Он все чаще вглядывался в лица людей и мучительно думал, как ему высказать все то, что накопилось на сердце. Случай помог ему.

Джорджо Вазари, биограф знаменитых итальянских художников, рассказывает, что отец юного Боттичелли, «которому надоела эта взбалмошная голова, отдал его, отчаявшись, обучаться ювелирному делу у своего кума, прозванного Боттичелли». Как известно, Вазари был великий путаник, и никакого кума нигде обнаружить не удалось. Однако суть была не в этом. Сандро на первых порах томился и изнывал, когда наставник показывал ему, как взвешивать металл, или заставлял готовить инструмент к работе. Затем по ходу дела юноша стал рисовать... Но главное случилось позже. Как-то с утра Сандро нашел в стенном шкафу мастерской краски и кисти. Баночки с темперой стояли на пыльной полке, кисти валялись в углу. И когда Алессандро робко провел свою первую линию краской по чистому листу бумаги, он вмиг понял, что обрел свое счастье.

Надо же было случиться, что Боттичелли, уже выполнив много прекрасных работ и завоевав известность во Флоренции как мастер первой руки, вдруг — по словам Вазари — «получил заказ на небольшую дощечку с фигурами всего в три четверти локтя каждая, которая была помещена в церкви Санта Мария Новелла...». (Вспомните мальчика Сандро, бегавшего туда любоваться фресками Мазаччо.) Наконец Боттичелли представился случай украсить соседний с его родным домом храм. И вот перед нами картина «Поклонение волхвов». Это произведение окончено около 1478 года и принесло широкую славу живописцу. Нельзя не заметить схожесть коленопреклоненной фигуры Козимо Медичи и персонажа фрески Мазаччо.

Но вернемся, однако, к библейской легенде. Итак, Сандро не без влияния заказчиков изобразил в роли волхвов и других гостей могущественных представителей рода Медичи, живых и усопших — Козимо, Пьеро, Джованни, Джулиано и, конечно, самого Лоренцо, прозванного Великолепным. Их окружают родичи, друзья — поэты, философы, ученые. Себя живописец поставил в стороне. Он словно отвернулся от происходящего действа. В сей отстраненности удивительная черта характера Боттичелли, весьма самостоятельного и склонного к глубокому анализу бытия. Он был поистине Человек эпохи Ренессанса. Это и о нем написал Пико делла Мирандола: «Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобно обозревать все, что есть в мире». И Сандро Боттичелли всю жизнь гордо и самоотреченно следовал данному завету.

Испытующе, немного грустно глядят на нас из пятисотлетнего далека прозрачные, светлые глаза Сандро. Непокорные волнистые пряди волос скрывают невысокий чистый лоб. Напряженно вздеты брови. Набухли тяжелые веки, приподнялись ресницы и открыли строгий и пристальный взор. Художник будто всматривается в будущее и пытается прочитать судьбу каждого из изображенных своих современников. И эта мучительная работа мысли придала особую значительность и духовность выражению его лица. Он будто предчувствует неотвратимую десницу Рока, простершуюся над Медичи, сегодняшними владыками Флоренции. Он пишет их блистательными и всесильными. Но взгляните на Джулиано, и вас потрясет интуиция художника, будто предчувствовавшего скорую трагическую гибель этого молодого человека. А пока на картине «Поклонение волхвов» лицедействуют, суетятся поэты, рассуждают философы.

Странные багровые тени метались по мощной каменной кладке стен. Бронзовые светильники то вспыхивали, то гасли. Их трепетное пламя мерцало на узорчатых старых щитах, массивных зазубренных мечах, острых позолоченных копьях, украшавших зал. Алые блики озаряли серые, усталые, помятые лица гостей. Огонь факелов сверкал в драгоценных рубинах, изумрудах, алмазах, рассыпанных обильно по платьям и прическам дам. Близился рассвет. Его робкое сияние проникало сквозь зашторенные окна. Синие холодные искры приближающегося утра играли в тонких гранях богатой посуды. За тяжелыми, роскошными драпировками, за коваными решетками, где-то прорывая черный заслон пиний и мирт, брезжила заря. В зале было душно. Неясный говор, нежный шепот, невнятный лепет струн, приглушенный хохоток, звон бокалов... Во главе овального стола сидел Лоренцо Медичи. Его нервное, некрасивое лицо с крупным носом, квадратным подбородком было задумчиво. Пухлый чувственный рот болезненно кривился. Вдруг тонкие, будто нарисованные брови поднялись, упрямый лоб наморщился. Лоренцо положил крепкую узловатую руку на плечо соседа и сказал: «Анджело, прочти строки из стансов о джостре. Ты видишь, как тоскует Джулиано?» Поэт опустил глаза. Но это было минутное раздумье. Он приподнялся, вытянул руку, зазвездились перстни. Наступила тишина. Анджело раскрыл рот, и... вместо стихов гости внезапно услыхали стон. Поэт разрыдался. «Не могу,— прошептал Полициано,— я вспомнил Симонетту». «Читай!» — резко вскрикнул Лоренцо Великолепный.

Первые голубые лучи рассвета выхватили из пурпурных сумерек мокрое от слез лицо поэта.

Она бела и в белое одета;
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают робкою волной.
Улыбка леса — добрая примета:
Никто, ничто ей не грозит бедой.
В ней кротость величавая царицы,
Но гром затихнет, вскинь она ресницы.

Полициано оборвал строку. Миг царило безмолвие. Казалось, колыхнулись занавеси и вместе с лучами зари к живым влетела душа Симонетты Веспуччи... Высокий, стройный Джулиано Медичи со смоляной гривой волос, обрамлявших чеканное, словно литое из бронзы лицо, подошел к стихотворцу и нежно обнял его. «Ты сделал невозможное,— проговорил Джулиано,— твои стихи заставили жить среди нас несравненную Симонетту».

Боттичелли задумался. Он стоял в тени глубокой ниши. Художник тяжело переносил ночные дворцовые пиры, хотя любил застолье. Но вот здесь, на вилле Кастелло, он устал от шума, назойливых громких тостов, лести, криводушия, всего того, что сопровождает жизнь любого княжеского двора. Сын кожевника, Сандро отлично чувствовал, что здесь он чужой. Но самое неприятное было то, что живописец слишком остро видел. Иногда ему становилось не по себе от этой беззащитной открытости для его проникающего взора чужих тщательно скрываемых мыслей и желаний. Представьте, сколько наблюдал он зловещих задумок, маскируемых ловкой, сладкой улыбкой!

Стихи Анджело Полициано он слушал далеко не первый раз. Ведь со времени знаменитой джостры — турнира, где победил сиятельный Джулиано, прошло уже несколько лет. Но Боттичелли не только отлично видел, но и так же все помнил... Да и как можно было забыть великолепный праздник и красавца в ослепительном наряде из серебряной парчи, изукрашенном жемчугом, — «Принца Юности» Джулиано Медичи и рядом с ним «даму сердца», неповторимую его возлюбленную Симонетту Веспуччи? Не было ничего прекрасней этой пары. Казалось, жить бы им и радоваться. Судьба же решила по-своему. Загадочно, нелепо. Вскоре Симонетта умирает.

Итак, близилось утро. Боттичелли ждала картина, которую он начал и задумал назвать «Весна». Мастерская на Новой улице квартала Санта Мария Новелла заждалась хозяина. «Нет, надо бежать»,— подумал Сандро и через миг был в парке, окружавшем виллу.

Купол еще сумеречного майского неба опирался на темные башни кипарисов. Над самым горизонтом лучистая звезда встречала зарю. Роса сверкала на листьях, стеблях травы, рассыпалась миллионами искр. Боттичелли брел вдоль зеленых аллей, мимо уютных беседок, тенистых гротов. Его встречали белые мраморные призраки античных богов. Журчали фонтаны. Глубокий покой царил в природе. Тишина, казалось, объяла всю землю, и Сандро подумал, что минувшая ночь ему приснилась.

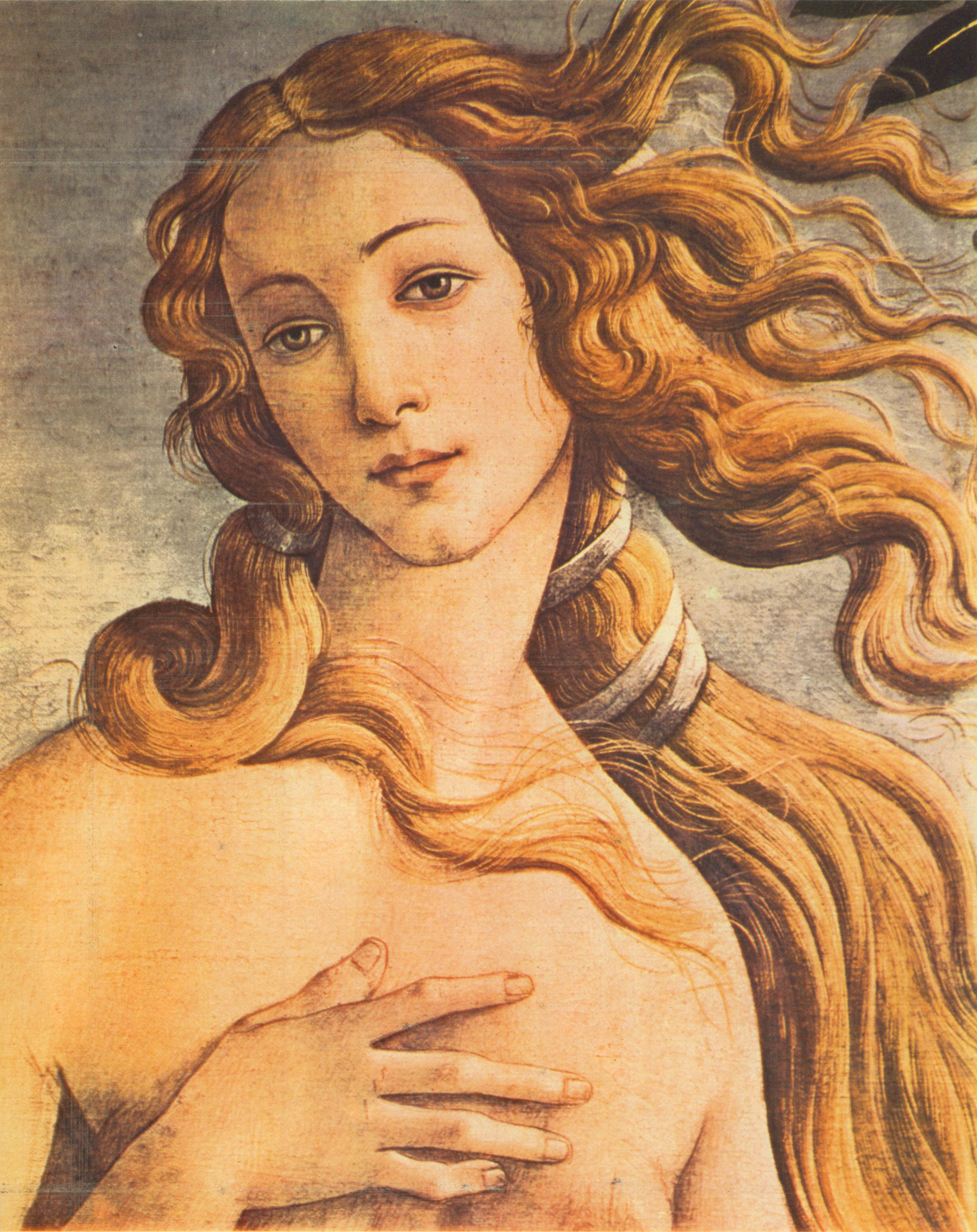
Внезапно перед глазами предстала молодая черешня. Прелестная, как невеста. «Она бела и в белое одета»,— вспомнились стихи Полициано. Рассвет набирал силу, и в его лучах мнилось, что каждый цветок дерева словно повернулся к художнику. Боттичелли подошел ближе к черешне и робко прикоснулся к ее юному стволу.

Алессандро вдруг вспомнил детство и то, как он, мальчишка, сладко заснул, прижавшись к цветущей ветке. Дрожащая ладонь приникла к прохладной коре. Сандро ощутил, что какая-то дивная сила проникает в него. Художнику почудилось, будто он рождается вновь. Боттичелли чувствовал — или это ему снилось,— что молодые соки дерева струятся по его жилам.

Последнее, что запомнил Боттичелли, когда уходил домой, был хоровод белых черешен. Они медленно, очень медленно вели свой колдовской танец на фоне темной бархатной занавеси из кипарисов, мирт, пиний... Восторг переполнил душу Сандро.

Сандро Боттичелли. 1445—1510. ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ. Фрагмент. 1477—78.
Галерея Уффици. Флоренция.

На развороте вкладки: **Сандро Боттичелли.** ВЕСНА. Около 1478.
Галерея Уффици. Флоренция.



Сандро Боттичелли. РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ. Фрагмент. Около 1485. Галерея Уффици. Флоренция.

Мелькнул год.

И снова наступила весна. Пронзительно запели дрозды. Зацвели сады Флоренцы. На бледных лицах девушек выступили веснушки. Быстрее побежали вспененные воды Арно. И вновь озорные мальчишки гоняли по узеньким улицам столицы Тосканы свой немудреный тряпичный мяч. Воздух гудел от радостного перезвона колоколов.

Боттичелли заперся в мастерской. Не отвечал на стук в дверь, на записки друзей. Приходил работать вместе с зарей. Уходил затемно. Большая картина стояла на двух мольбертах. Она была тяжела, очень тяжела, эта загрунтованная доска. Но не менее тяжел был труд живописца. Ликующий и горький. Ведь ничто не давалось легко. Об этом говорили кипы набросков, эскизов, рисунков, валявшиеся на полу, приколотые к стенам. Подоконник студии был тесно уставлен чашками с темперой. На маленьком столике, украшенном мозаикой, в древней античной амфоре стояла хрупкая ветка черешни. Палитра Сандро была похожа на створку раковины-жемчужницы, так сиял перламутр красок на ее поверхности.

Художник писал «Весну». Он будто вспоминал все. Свое детство и фрески Мазаччо. Славного фра Филиппо Липпи — первого учителя. Дивные ясные глаза Леонардо да Винчи, с которым подружился в боттеге Андреа Верроккьо. Он мысленно бродил по тенистым паркам и любовался мраморными изваяниями Эллады. В его памяти вставали плодоносные долины, цветущие холмы Тосканы, танцы женщин, звуки лютни, вечерние песни, строгие линии стремительной кампанилы Джотто. Он глядел, глядел на белую ветку черешни в амфоре и вспоминал прекрасную Симонетту Веспуччи, джостру, Джулиано... Чудесный знакомый и таинственный мир претворялся у него в сердце. Но это стоило дорого. Боттичелли осунулся, похудел, скулы заострились. Морщины от напряжения и раздумий легли у надбровий, прочертили жестче углы сжатых губ. Сандро не брился, у него выросла борода. Лицо стало темным, будто опаленным. Только глаза, светлые диковатые глаза мастера сияли восторженно. Он любил. Любил неистово, страстно, неутолимо свою картину. Свою «Весну». Все его помыслы, мечты были устремлены к одному желанию: как донести, не расплескать свои чувства, показать людям во всей прелести чудотворение природы.

Пришел апрель 1478 года. По городу поползли недобрые слухи. Кто-то мутил народ. Старинная гордая семья Пацци плела паутину заговора. Не без помощи Ватикана, которому, как и им, надоела слава дома Медичи. Она мешала многим делам. И вот Пацци решили покончить с Лоренцо и Джулиано Медичи. Убить их. Ночные сборища на роскошных виллах и в богатейших дворцах становились все более шумными и зловещими. «Надо спешить,— кричал Франческо Пацци,— время не ждет!» Наконец было принято решение. В воскресенье, во время службы в соборе Санта Репарата братья Медичи будут заколоты.

Страшны страницы летописи тех дней. Даже мудрейший и опытнейший Никколо Макиавелли в своей «Истории Флоренции» содрогается от той меры коварства и лживости, которая позволила заговорщикам провожать молодого Джулиано в храм и забавлять его шутками, не забывая при этом «под предлогом дружеских объятий ощупать все его тело, чтобы убедиться, нет ли на нем кирасы». Главари заговора продолжали разыгрывать эту жуткую комедию предательства там, в церкви, окружая Лоренцо и Джулиано лицемерным оживлением и лестью. Притворство заглушило бдительность. Джулиано пал под ударами кинжалов. Лоренцо удалось спастись.

Наступила быстрая расплата. Пацци и их сообщники в ужасе бежали, но часть была схвачена.

«По всему городу,— пишет Макиавелли,— повсюду можно было видеть растерзанные тела убитых, которые несли насаженными на копья либо волокли по улицам...» Других заговорщиков обнаружили позднее. Судили и публично казнили.

Но это событие носило еще «мистический» характер. Флоренция содрогнулась от таинственной встречи двух дат — 26 апреля 1476 года и 26 апреля 1478 года. Это были день смерти Симонетты Веспуччи и день гибели ее возлюбленного Джулиано. Их разделило ровно два года. Вспомним, что в эпоху кватроченто еще горели костры, поэтому такое колдовское совпадение многими воспринималось как чудо.

Ну, а как Сандро Боттичелли? Ему срочно заказали написать фреску с изображением казненных главарей. Художник забросил «Весну». Рисовал с натуры, в самой гуще людей, на пьяцце Синьории у палаццо Веккьо. Трупы повешенных на окнах дворца восьми главных заговорщиков возникали на набросках.

Живописец приходил в студию, бросал листы с набросками на пол и изможденно падал в кресло. Рисунки казненных лежали рядом с эскизами к «Весне».

Так столкнулись в мастерской Боттичелли жизнь и смерть, свет и мрак.

Надо заметить, что фреска, исполненная Сандро, прожила недолго и не дошла до наших дней. Ее сколотили и уничтожили через некоторый срок, после падения рода Медичи... А картина «Весна» поныне является гордостью Флоренции, Италии, всего человечества.

Мало кто знает, что триста с лишним лет на тихой вилле Кастелло находилось в глубоком забвенье одно из величайших творений мировой живописи «Примавера»,— «Весна»,— вечный памятник Симонетте Веспуччи. Картину «заметили» лишь в середине прошлого столетия, как, впрочем, и «Рождение Венеры», пребывавшей там же.

«Весна». Всмотритесь пристальней в лицо Весны. Вас поразит русалочья лукавость, почти холодность прозрачного взора юной богини. Много, много исписано бумаги о загадке улыбки Моны Лизы — Джоконды, но разве родниковая свежесть губ Флоры не таит в себе ласковую, но со льдинкой завороженности тайну? В волшебной приветливости Весны — очарование природы, каждый год восстающей из мрака и хлада зимы, навстречу горячему солнцу. Что-то призывно влекущее скрыто в гордой открытости этой белокурой девушки, усыпанной цветами. Но берегитесь: весна — пора опасная. Глядя на свободно идущую высокую, стройную красавицу, невольно ощущаешь то странное и неожиданное чувство, которое возникает в жаркий майский полдень, когда внезапно вас настигает порыв холодного ветра, пахнущего сырой землей и талым снегом. Испытующе смотрит на нас Флора. Она одна обращена к зрителю. Все происходящее на картине лишь ее окружение. И хотя в середине стоит Венера, это лишь дань регламенту, истинный центр композиции — Весна. Боттичелли создал чарующий, будто случайно увиденный момент из жизни Природы, когда его освещенные на картине фигуры походят на цветущий сад, когда деревья, повинуясь дуновению ветра, чуть-чуть шевелят ветвями, как бы кружась в неуловимом танце. Несмотря на абсолютную условность сюжета, пространства, перспективы «Весны», все же в ее основе лежит живое ощущение бытия.

Живопись Сандро Боттичелли прекрасна. Рисунок, линия предельно отточены. Но удивительно, что ювелирная чеканность исполнения деталей нисколько не мешает чувствовать общее, улавливать неуловимое состояние весеннего томления, всю магию этой мистерии, в которой словно слышится скрытое бурление соков земли. Художник — чародей. Напрасно пытаешься найти каркас сюжета «Весны» в мифологии или поэзии. Единственным посылом картины служит душевный порыв Боттичелли, его интуиция, впитавшая в себя весь опыт искусства предыдущих эпох. Главный двигатель композиции — музыка весны, подслушанная и аранжированная живописцем. Неподражаем упругий ритм, угаданный абсолютным слухом мастера.

Думается, что Боттичелли в миг окончания картины «Весна» был полностью охвачен святой верой в то, что красота спасет мир... И эта мысль, написанная русским Достоевским в XIX веке, только укрепляет вечную жизненность этого убеждения.

Так иногда далекая эпоха находит своеобразное, совершенно неожиданное, метафорическое отражение в шедевре мирового искусства.

Рим. Жаркий полдень. Сикстинская капелла. Августовское солнце вливается через узорные решетки узких окон в огромное пустое помещение. Вдоль высоких стен прилепились леса... Гулкая тишина. Пахнет сырой штукатуркой. Эхо доносит обрывки фраз. И снова безмолвие. Лишь порою слышится плеск воды или звуки торопливых шагов по скрипучим доскам. Но воздух кажется пронизанным невидимыми силовыми полями. Идет молчаливое, но яростное соревнование. Лучших мастеров собрал папа Сикст IV, чтобы создать фрески, должные увековечить его имя. Боттичелли, Перуджино, Гирландайо, Филиппино сошлись в Сикстинской капелле.

Когда куранты пробили полдень, у ног Сандро Боттичелли из-за стропил лесов возникло довольное лицо его земляка Доменико Гирландайо. Он что-то жевал... Боттичелли в измазанной известкой и краской рубахе, косматый, небритый, походил скорее на бродягу, чем на руководителя росписей. Только светлые, сияющие глаза помогали узнать любимца Флоренции. Сандро работал над фреской «Исцеление прокаженного и искушение Христа». В ту минуту он с превеликим тщанием выписывал черты лица племянника Сикста IV — Джироламо Риарио. Надо заметить, что сам папа был уже изображен в центре росписи. Так было надо.

— Алессандро,— улыбнулся Гирландайо, и его толстый нос смешно сморщился,— ты перестарался. Племянник получился слишком резвый. В нем мало благочестия. И вообще пора отдохнуть и перекусить.

— Любезный земляк,— засмеялся Боттичелли,— погоди, надо записать остаток сырой штукатурки, и потом я твой верный слуга.

Вскоре друзья сидели в траттории. А потом, обильно отобедав, вдруг решили прокатиться, окунуться в море. Два часа быстрой езды, и художники ступили на песок римского взморья. Позади остались суетливая столица, грозные древние руины, дрязги и интриги папского двора.

Тирренское море... Пустынные, безлюдные пляжи. Гул прибоя, шорох камней. Лазурная чаша воды. Горячий упругий ветер рвал с плеч легкие плащи, бросал в лицо соленые брызги.

Доменико Гирландайо расхотел купаться, его клонило ко сну. Он расстелил плащ и решил вздремнуть. Боттичелли не стал тревожить коллегу. Пошел бродить вдоль моря.

Огромное пространство лежало перед живописцем. Величественное солнце клонилось к закату. Бездонное небо было чисто. Ни одна туча не омрачала его мерцающую бирюзу. Где-то в сиреневой дали небо и море сливались, и казалось, что они едины в своем щедром и добром сиянии.

Чего только не встречалось на песке! Осколки старинных амфор, выброшенные пучиной, клочковатые пряди водорослей. Чьи-то забытые сандалии. И раковины, раковины — розовые, белые, голубые. Сандро поднял одну из них. Большая, с жемчужным отливом, она была чудом пропорции. Почти прозрачная тонкая раковина будто была сотворена безымянным ваятелем античности. Ветер плеснул в лицо Боттичелли пригоршню брызг, и он невольно повернулся к морю.

Вечное, непостижимое море улыбалось художнику. Ведь оно видело Помпея, Цезаря, Суллу. Их давно нет, а бездна все гонит и гонит бесчисленные полчища волн на покатый берег. Порыв свежего ветра где-то сорвал листья, и они закружились над прибоем... Вдруг Сандро вспомнил Флоренцию, сады Кастелло, Анджело Полициано. И как вспышка, из пучины забвенья возникли строки:

Не мучайся, душа непосвященная,
из одного с Венерой вышла лона я...

Это были стансы из «Джостры»...

Симонетта, Симонетта, зачем ты пришла опять?

Рука живописца сжимала хрупкую раковину. Неужели наконец он нашел новую тему?..

Пройдет время, и Алессандро создаст свой второй шедевр — «Рождение Венеры».

...Когда Боттичелли разбудил Гирландайо, уже был вечер. На лиловом небе загорелись звезды.

Доменико, протерев глаза, не узнал Сандро. Лицо его потемнело, глубокие морщины прорезали лоб, веки покраснели. Он словно постарел.

Боттичелли показал молча ракушку и горько вздохнул.

— Ты стал натуралистом? — хмыкнул Гирландайо.— Тогда пора возвращаться к племяннику. Он ждет нас в Сикстинской капелле.

«Рождение Венеры»... Первое и главное ощущение, которое испытываешь в Уффици, — светозарность картины. Будто сама целомудренная душа Сандро Боттичелли раскрывается перед вами во всей своей прекрасной сути. Хочется мгновенно забыть все мудреные толкования и рафинированные рассуждения, которые связаны с этим предельно

ясным, чистым и открытым полотном. Приятие красоты, радость бытия, слияние человека и природы — могучий и чарующий лейтмотив этого тончайшего по композиции, форме, линиям, музыкальному ритму произведения флорентийского мастера. Свежесть мировидения автора читается в каждой ноте этой прелестной симфонии созвучий Моря, Неба, Ветра, Простора и Красоты. «Рождение Венеры» — идеальное по чувству меры, такту и одновременно монументальному величественному решению сверхзадачи полотно, создавшее, как и «Весна», навечно «мир Боттичелли».

Великие полотна — всегда зеркало времени, в какую бы сложную аллегорическую форму ни облекал их художник и какую бы тончайшую метафору ни вкладывал в их решение. Вопрос только в том, что не каждая картина понятна с первого взгляда. Она порою требует пристального внимания, осмысления, определенной подготовки — знания. Попробуйте оценить сразу один из самых знаменитых холстов мира — «Сдачу Бреды» Диего Веласкеса. Без расшифровки истории события, конкретного места, лица самого художника вы потеряете добрую половину ощущения очарования картины. Это относится к любому шедевру мирового искусства. Будь то «Ночной дозор» Рембрандта ван Рейна, «Свобода на баррикадах» Эжена Делакруа или «Боярыня Морозова» Василия Сурикова — все эти полотна не только дарят нам глубокое ощущение мира, красоту колорита, совершенство формы, но и требуют от зрителя пристального внимания, изучения истории, понимания творческого процесса создания произведения искусства...

...Что отличает творчество Сандро Боттичелли от манеры его современников — мастеров кватроченто, да, впрочем, и живописцев всех времен и народов. Это особая певучесть линии в каждой из его картин. Необычайное чувство ритма, выраженное в тончайших нюансах и в прекрасной гармонии его «Весны» и «Рождения Венеры». Колорит Боттичелли музыкален, в нем всегда ясен лейтмотив произведения. Мало у кого в мировой живописи так звучит пластика линии, движения и взволнованного, глубоко лирического, далекого от мифологического или иных схем сюжета. Художник сам режиссер и композитор своих творений. Он не пользуется ходульными канонами, потому его картины так волнуют современного зрителя своей поэзией и первичностью мировидения.

Как Микеланджело в своих фресках создал символ мужественного, могучего Человека-борца, так Боттичелли в своих картинах-поэмах сотворил образ одухотворенной женской красоты.

Мир Боттичелли сложен и неоднозначен. В нем живут прекрасные мадонны и зловещая «Клевета». Ликующая «Весна» — «Примавера» и опустошенная «Покинутая» — «Дерелитта». Великий флорентийский мастер близок нам как живописец, воспевший всепобедность Красоты, Света. Его дар целиком был отдан своей трудной и великолепной эпохе — Ренессансу. Безусловно, на его творчество влияли и готика и античность, но смысл в том, что Сандро Боттичелли открыл новую красоту.

Итак, наступил 1495 год. Боттичелли пятьдесят лет. Итоги неутешительны. То, во что он верил, к чему стремился, все обратилось в прах и тлен, оказалось смятенным и растоптанным. Наступило крушение его идеалов. Сандро наивно верил во всепобедность красоты, гармонии, искусства. Но судьба предложила ему жестокие реалии, разрушившие эту его святую веру. Ему осталось лишь одиночество. Сиротливость Боттичелли в эти годы — лишь свидетельство несовершенства общества, в котором он жил и творил.

Несколько строк истории. В 1492 году в страшных мучениях умирает Лоренцо Медичи. Его противник Савонарола на какое-то время увлекает своими страстными проповедями Боттичелли, но художник никогда не примыкает к так называемым «плаксам» — сторонникам Савонаролы. Во Флоренции горят костры, на них сжигают «суету сует» — прекрасные творения живописи, поэзии, музыкальные инструменты. Но вскоре пламя костра на пьяцца Синьории сжигает бездыханное тело самого Савонаролы... Таковы переломы и перепады сложной летописи кватроченто.

1495 год. Боттичелли пишет «Покинутую». Немая тишина... Может быть, миг тому назад площадка перед закрытыми дверьми была полна движения. Молодая женщина рвалась, стучалась в замкнутые ворота. Металась по ступеням. Рвала на себе одежду. Кричала. Звала кого-то... Зловещее молчание воцарилось у массивных, сложенных из циклопических глыб стен. Победило отчаяние. Наступила безысходность. Мертвые камни одолели жизнь. Во всем мировом искусстве нет, пожалуй, такого скупого, поистине дантовского по силе и глубине отражения душераздирающей безнадежности. Какой страшный путь должен был пройти художник, чтобы после «Весны» — гимна Юности, Радости, Жизни — создать через семнадцать лет «Покинутую». Поистине символ краха судьбы.

По своей экспрессии, композиционному строю, ритму, колориту эта картина опередила свою эпоху почти на пять веков. «Покинутая» написана будто сегодня.

Думается, что картина суть отражение состояния души художника. Его переживаний и дум. Подведение неких полувековых замет. Смятение самого Боттичелли перед безысходностью собственных жизненных усилий в условиях сложного и трагического времени.

Ночь. Ноябрьский студеный ветер ноет, стучится в окна домика Боттичелли, расположенного у ворот Сан-Фернандо. Неуютно, тоскливо. Даже веселый огонь очага не может развеять тяжкие думы. Трещат сухие поленья, сыплются искры, озаряя тусклые, старые, морщинистые лица Сандро Боттичелли и его брата Симоне Филипепи. Вот уже глухо пробили три раза ветхие часы с бронзовой статуэткой Меркурия. Братьям не спится. Неспешно ворошат они тревожные, горькие будни Флоренции последних лет. Смутное, нелегкое время переживает их родной город. Скоро, очень скоро наступит новый век, до встречи его остались считанные дни, а надежды на перемены к лучшему нет. Судачат, вздыхают. Внезапно в эту долгую ночь 1499 года так разоткровенничались эти близкие и далекие люди. Симоне (как он позже запишет в своем дневнике) спросил Алессандро, что он знает достоверно о судьбе брата Джироламо Савонаролы. Сандро «рассказал о том, какой разговор происходил у него в этот день в его мастерской с Доффо Спини о делах брата Джироламо. Когда Сандро, знавший Доффо как любителя его картин, попросил сказать чистую правду о том, за какие грехи был подвергнут позорной смерти брат Джироламо, Доффо ответил ему: «Сказать тебе правду, Сандро? У него не только не нашли смертных грехов, но и вообще никаких, даже более мелких, обнаружено не было».

Долго, долго оцепенело смотрел Симоне Филипепи на языки пламени, словно видя в них багровые отсветы того большого костра. Молча встал, обнял брата и ушел, оставив художника с его мыслями у догорающего очага. Огонь умирал. По угасавшим углям скользили то синеватые, то оранжевые блики. Ветер стих. В наступившей тишине жутко глазели черные дыры окон. Боттичелли почудилось, что зимняя мгла вольется в комнату, погасит очаг, и он задохнется в дымной тьме. Алессандро подбросил щепок. Алые сполохи ярко вспыхнули. Горбатая страшная тень скорчилась на стене... Старость. «Ах, только сейчас начинаешь понимать,— подумал Сандро,— сколько в жизни натворено глупостей, сколько потеряно, ушло невозвратных лет».

Вдруг Боттичелли показалось, что в окне проплыла белая фигура. Из открытой двери внезапно пахнуло утренней свежестью трав, ароматом цветущего сада.

Тихий смех Симонетты раздался за спиной Алессандро.

В черном пролете дверей стояла Весна. В тонких руках ее была белая пушистая ветка черешни. В русых распущенных волосах Флоры вплетена гирлянда живых цветов.

— Здравствуй, Боттичелли,— прожурчал мелодичный голос.

Дрожь прошла по спине художника. Он вцепился влажными руками в поручни кресла. Сандро почувствовал, что еще миг, и он задохнется от страха. И тут он увидел отражение лица Флоры в овале старого зеркала венецианской работы. Его поразила странная улыбка Весны.

— Почему я не вижу твоих новых работ, Сандро?

Боттичелли молчал. Тысячи ответов теснились в его разгоряченной голове. Кровь стучала в висках. Он силился встать. Колени подогнулись. Силы изменили ему.

— Не можешь ответить? — прошептала Весна.— Хорошо, я помогу. Ты забыл о Весне. Разлюбил людей. Не веришь им. Видишь кругом лишь коварство, клевету, ненависть, предательство. Только мрак. В тебя вошла Зима. Так жить нельзя.

Флора подняла высоко ветку цветущей черешни. Дивный свет разлился вокруг. Будто вихрь закружил лепестки белых цветов. Словно вьюга запорошила комнату. Закачалось и упало старое, тяжелое зеркало. Тысячи осколков усыпали пол.

Вой ветра и холод разбудили Боттичелли.

Пол был усыпан седой золой.

...Последние десять лет жизни, а умер Сандро Боттичелли в 1510 году, он почти ничего не писал. В «Книге мертвых» цеха врачей и аптекарей было сказано, что Сандро Боттичелли умер 17 мая и был похоронен на кладбище церкви «Всех святых» во Флоренции.

Душный бензиновый чад повис над Римом. В пепельном мареве мнились призрачные древние руины былого величия столицы мира. Купол собора святого Петра таял в мышиного цвета небе. Казалось, даже циклопические глыбы травертина и мрамора, из которых воздвигнуты все эти триумфальные арки, победные колонны, форум, были изъедены зноем и смогом. Двадцатый век. Он перевалил в последнюю четверть в нефтяном угаре и прахе древних цивилизаций.

Ватикан... Совершенно пусты, будто вымершие, прохладные, снабженные «кондишен» гулкие помещения экспозиции «Современная религиозная живопись». Десятки залов. Сотни полотен. Одинокие, полусонные фигуры служителей. Стылый блеск паркета. Тихо. Только со стен кричало, орало, корчилось, пугало, издевалось над твоим разумом то, что должно было называться искусством, или то, что когда-то гордо именовалось живописью. Но само это слово звучало кощунственно в применении к этим картинам. Это была скорее смертопись.

Серый жуткий хаос из смятых кубов, рваных треугольников, исковерканных квадратов. Тяжелые дорогие рамы, из которых на вас скалились черные провалы беззубых ртов, пробитые, проломанные черепа, грозили десницы зеленовато-коричневых, иссушенных, как мумии, калек. Кресты, сполохи, мрак, исступление черной бездны — лейтмотив этих холстов. Самое зловещее было в том, что сборище чудовищных монстров находилось всего в нескольких десятках метров от Сикстинской капеллы, где, несмотря на строгий регламент заказа, торжествовал Человек! Грешный, смертный, любящий и ненавидящий. Гений Микеланджело, Боттичелли, Перуджино и других мастеров, принимавших участие в росписях, заставил по-особому звучать старые легенды, и в них оказалось воспетым величие рода людского.

И снова перед глазами анфилада «Религиозной живописи». И вновь неотступно возникает вопрос: неужели человечество, придя в XX век, к таким высотам науки, техники, знания, достойно такого распада, растления в области культуры? Кому нужно искусство пугающее, унижающее достоинство человека, оглупляющее его душу? Кто оплачивает, подталкивает, задаривает, захваливает этих художников, бардов цинизма, уродства, хаоса, сеющих смятение в умах своими отталкивающими произведениями?

Кто они?

Прочтите строки, написанные американским писателем Реем Дугласом Брэдбери, и вы получите исчерпывающий ответ:

«Откуда они приходят? Из праха. Откуда они появляются? Из могилы. Разве кровь наполняет их жилы? Нет: ночной ветер... Они сеют семена смятения в человеческой душе, поедают плоть разума, насыщают могилу грешниками. Они неистовствуют заранее. В порывах ветра и под дождем они бегают туда и сюда, подкрадываются, пробираются, просачиваются, движутся, делают полную луну мрачной и чистую струящуюся воду мутной. Паутина внимает им, дождь разрушает мир. Таковы они, люди осени, остерегайтесь их...»

К счастью для цивилизации, кроме этих страшных и убогих «людей осени», были, будут и есть «люди весны», утверждающие победность красоты, жизни, мира на земле. Это они помогают верить, что род людской достоин победы добра, света, разума.

Одним из великих «людей весны» в искусстве был Сандро Боттичелли. Он жил и творил пять веков тому назад. Его судьба была сложна и полна тяжких испытаний, сомнений и раздумий. Но живописец сумел в своих лучших картинах воспеть всепобедность гармонии бытия.

Ныне, когда борьба света и мрака, добра и зла, войны и мира обнажена, как никогда, сияет имя Боттичелли, сына Флоренции, воспевшего, как никто, Весну!

ЛУЧШАЯ ПРАВДА—САМА ЖИЗНЬ

— Самые светлые воспоминания моей жизни связаны с отцом, Дмитрием Иосифовичем Гулиа. Вот одно из них. Мы жили тогда в Сухуми, и я, семилетний мальчишка, каждый день наблюдал, как в сторону моря с высокой горы Хат-Хуа летит стая гусей-лебедей. Перелетев через весь город, птицы опускались в порту на рейде и купались в море до вечера. А вечером снова возвращались куда-то, пролетая над нашим домом. Куда они возвращались? Так хотелось знать об этом! И вот однажды отец взял меня за руку и повел на гору. Идти было тяжело, но мое терпение вознаградилось: неожиданно на плато я увидел дюжину прекрасных белых птиц. Так вот они какие совсем рядом, в пяти шагах! Я смотрел как зачарованный. Но вдруг птицы загоготали, заволновались, поднялись в воздух и полетели к морю. Мы следили за ними до тех пор, пока они не слились с голубизной неба и воды. В эту ночь мне приснился удивительный сон: я лечу на шее могучей птицы, а внизу родной город, родной дом, отец, мать, братишка... Это был самый лучший сон в моей жизни.

— Который, как я знаю, описан в вашей новой недавно вышедшей книге «Мои гуси-лебеди». Через много-много лет волшебный сон стал для вас основой создания вполне реального рассказа.

— Да, я считаю, что правда литературы — это жизнь. Нельзя придумать лучше того, что дает нам сама жизнь. Все мои рассказы, все мои произведения основаны на конкретных фактах, на достоверных событиях.

— А как и при каких обстоятельствах появилось на свет самое известное ваше произведение — повесть «Весна в Сакене»?

— Однажды в автобусе я встретил крестьянина, который приезжал в Сухуми из деревни. В мешке у него лежали фосфориты, и он советовался с ученым-агрономом о возможности использования Большой скалы, начиненной этим полезным ископаемым. Меня поразила в этом неприметном факте хозяйская забота простого селянина об общем благе. Недавно кончилась война, и нужно было как бы заново возрождать жизнь. Любыми средствами, любыми путями. И прежде всего творческой мыслью, энтузиазмом. Я это почувствовал и, зная многих людей с такой вот творческой жилкой, объединил их в групповом портрете абхазского крестьянина послевоенной поры.

Я беседую с известным советским писателем, лауреатом Государственной премии СССР Георгием Дмитриевичем Гулиа. На стенах его квартиры портреты отца, народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа... «Весна в Сакене» и «Добрый город», «Фараон Эхнатон» и «Человек из Афин», «Сулла» и «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова», «Сказание об Омаре Хайяме» и «Дмитрий Гулиа», «Рассказы об Александре Блоке» и «Рассказы моих друзей»... Этот перечень любимых читателем книг, созданных Гулиа-сыном за десятилетия работы в литературе, можно продолжить: романы, повести, пьесы, книги стихов, рассказы. И во всем — гражданская страсть художника, стремление соединить эпохи, времена, судьбы, во всем правда жизни.

— Георгий Дмитриевич, я помню один из давних ваших рассказов, он был напечатан в «Литературной газете» и назывался «Белая ночь». Я слышал, что этот рассказ очень нравился Паустовскому.

— Да, было такое... А еще раньше, в 1936 году, А. А. Фадеев заметил один из моих рассказов и сказал о нем теплые слова. Позднее я осмелился прочитать только что написанную повесть «Весна в Сакене» Симонову, и он напечатал ее в «Новом мире». Так я стал литератором-профессионалом. Переехал в Москву, окунулся в кипучую творческую жизнь.

— Я полагаю, вы стали писателем не без прямого влияния отца, классика абхазской литературы?

— Это так, но отец не хотел, чтобы я стал писателем или живописцем, не набравшись жизненного опыта. Он никогда не навязывал своих убеждений, не читал нотаций. Но увидев, что я хочу серьезно заниматься литературой, он этому воспротивился. Он считал, что хлеб надо зарабатывать простым трудом, мозолистыми руками. Надо жить так, говорил он, чтобы вставать в шесть утра, бежать на работу и не опаздывать (да, да, это его слова!), возвращаться усталым, немного отдохнуть и снова работать. Так что мой трудовой стаж начался с должности инженера-путейца на строительстве Черноморской железной дороги.

— Наверное, поэтому первые ваши рассказы навеяны жизнью простых людей, ваших современников. А что заставило вас спустя время окунуться в бездны веков и написать серию исторических романов?

— Не знаю, наверное, потому, что я люблю историю. Я обращаюсь к ней тогда, когда чувствую потребность на историческом материале «проиллюстрировать» современную жизнь. Как должен вести себя писатель, удалившийся в глубь веков? Он должен изобразить человека живым, подобным себе, вообразив себя на его месте.

Фантазия должна быть там, где требуется заполнить брешь, которая образовалась в результате провала фактических данных. Лучшая правда—сама жизнь, нельзя придумать лучше того, что дает нам реальное бытие.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ

НЕ ВСЕ КАМЕШКИ СЕРЫ...

Она повела меня в жаркий фабричный цех, где стоящие у станков женщины как-то чудно размахивали руками. Оказывается, они манипулировали с почти невидимыми, тончайшими шелковыми нитями, которые тянулись из лотков, где в клокочущей воде, словно живые, крутились, подпрыгивали, ныряли маленькие шелковичные коконы. Девятьсот метров нити с каждого кокона!

Вот здесь она начинала. Сюда пришла в свои пятнадцать лет из очень тяжкого детства: мать лежала, разбитая параличом, брат и сестра — ее двойняшка — погибли. И только она, Елена Лухуташвили, выжила, росла в детском доме. Шла война. В маленьком кахетинском городке Телави, на шелкомотальной фабрике, существующей с 1926 года, Елена нашла свой родной дом и свое дело. Работала запарщицей, завязчицей, мотальщицей, в последние годы — бригадиром в коллективе, где сорок человек.

Но есть у Елены еще одно дело, без которого она уже не может и дня прожить. И оно тоже здесь, на фабрике.

Сначала фабком выделил ей для этого маленькую комнатку. Сейчас предоставлено большое, светлое помещение, будто выставочный зал. И в самом деле, на стенах висят картины. Но попробуйте их снять — тяжелые! Они из камней, обыкновенной серой гальки, окатанной речной водой Алазани. Ходишь по такой гальке, топчешь ее ногами, не удостаивая взгляда, и никогда не придет в голову, что она может послужить материалом для художественного произведения. И сколько же галька имеет оттенков! И как, оказывается, хорош, выразителен и приятен для глаза серый замшевый цвет. И как ладно ложатся на серый фон такие же неброские, приглушенные краски осколков глиняной посуды.

Итак, речная галька и кусочки керамики. Неутомимы руки работницы и всевидящие глаза художницы. Елена Лухуташвили принята в Союз художников. А главное — стремление к творчеству, отображению мира, окружающего тебя.

Закончив работу в цехе, она допоздна задерживается в своей «картинной галерее», где на столах, стульях, на полу аккуратными кучками лежат рассортированные по размерам и тонам камешки и осколки керамики. Сюда заходят товарищи посмотреть, как у нее дела, над чем работает. И приносят разбившийся, ненужный уже в хозяйстве кувшин или горсть камней, найденных у ручья. Невольно она приучила людей глядеть под ноги, примечать красивое и как бы соучаствовать в творчестве...

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»
Фото И. ТУНКЕЛЯ

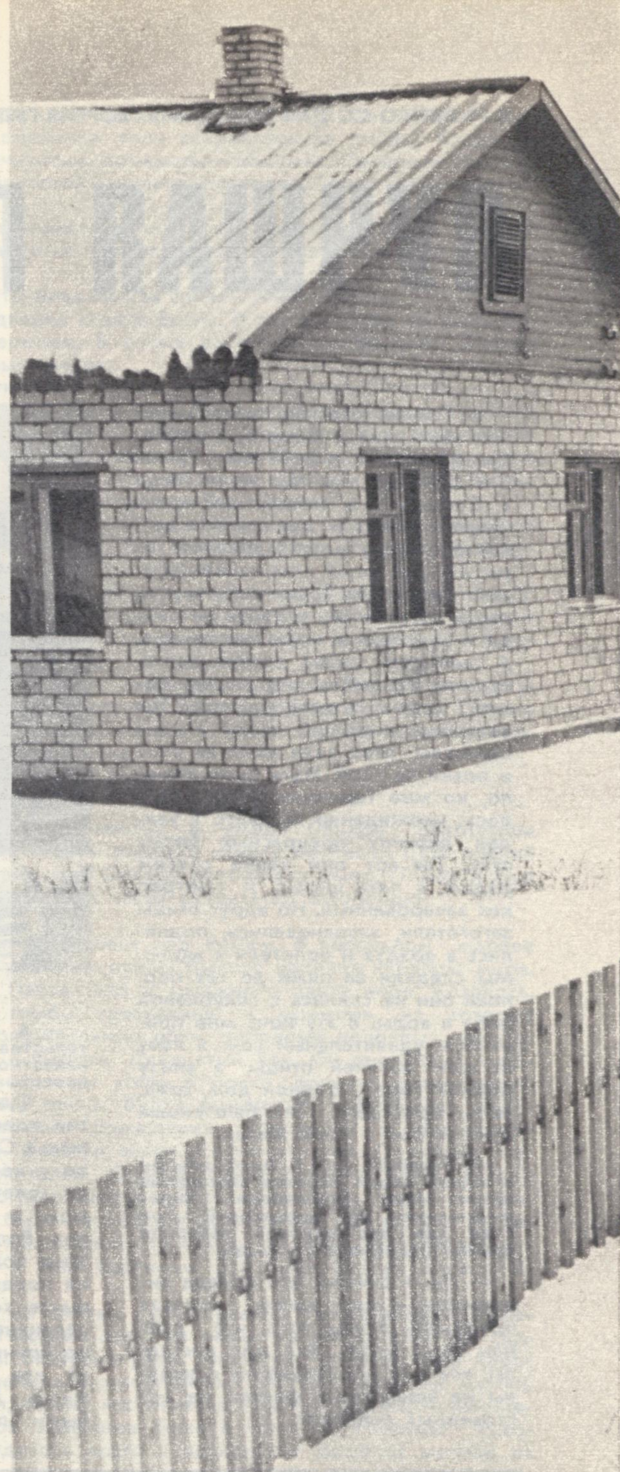
ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКИЙ

Николай БЫКОВ,

фото Михаила САВИНА

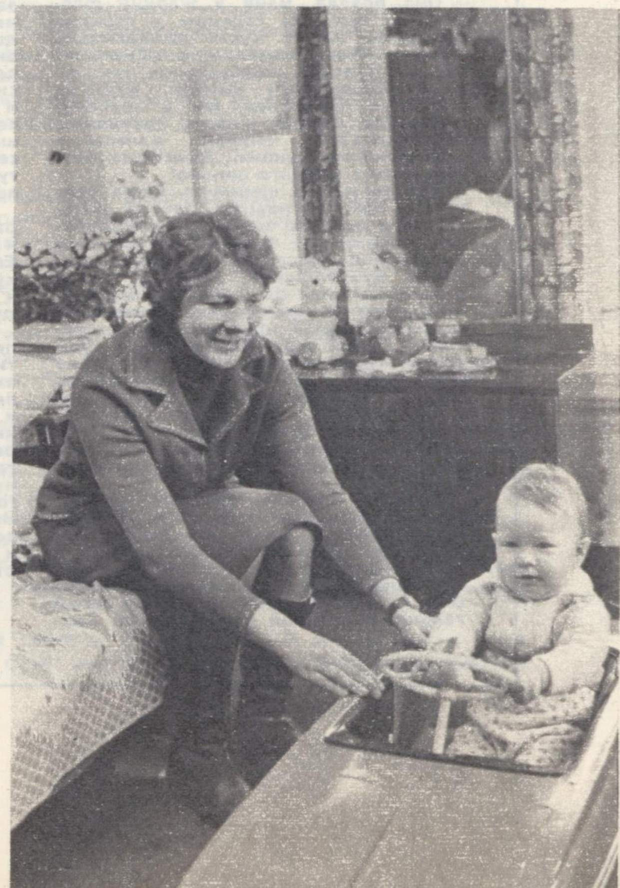
НА УЛИЦЕ СОЛДАТСКОЙ

Петр Семенов — тракторист.



Сельская новь.

Секретарь парткома Людмила Михайловна Степанова и ее Андрюша.



Заведующая приемным пунктом Е. С. Вуколова (в ц е н т р е).

К весне готовы! С л е в а н а п р а в о: инженер Вячеслав Положенков, трактористы Сергей Никитин, Анатолий Носов, Иван Иванов.

От Новгорода дорога уводила в край протяжных лесов и знаменитых клюквенников. Мелькали за метелью добротные порядки деревень с запоминающимися названиями: Вины, Невская, Харчевня, Долгий Мост... Дорога к Валдаю — широкая, накатанная, оживленная даже в такую метель. Миновали тихий Крестец, и вот открылись Ручьи. В Ручьях — совхоз «Ручьи», льноводческое хозяйство. Куда ни кинь взгляд, заметны следы решительного обновления. Поля под снегом, о них можно судить лишь со слов; а вот новостройки на виду. Среди темных елей и присевших за сугробами изб в три окошка, почти бок о бок с ветхими сараями, теперь поднялись здания, сложенные из белого кирпича.

Конечно, как и во многих других местах страны, первой замечаешь и отмечаешь с удовлетворением новую школу. Просторную, много- и широкооконную. Рядом с ней обязательный интернат, родной дом на пять-шесть лет для ребят из окрестных деревень. Под флагом — новое здание сельского Совета, в котором соседствуют и пункт бытовых услуг и переселившаяся из Борка почта с телеграфом. На этой же улице новая столовая. А на другом ее конце — магазин и баня.

Но особое внимание в Ручьях совхоз уделяет строительству жилья. Нужда в жилье лишала дирекцию возможности действовать по-современному, решительно. Одно дело разработать направление развития и утвердить генплан переустройства, согласно программе преобразования нечерноземных хозяйств, а другое — повседневная забота о тех, кому одолевать груду проблем: мелиорация, широкая механизация, специализация, строительство... Ручьи не одни, кому все эти узлы развязывать, всю эту цепочку вытягивать, но районные организации сделали ставку на Ручьи, имея в виду с него начать решение своих проблем. Почему? Один из доводов в пользу совхоза «Ручьи» — крепкое тут население, укоренившееся, работящее.

— Держат наше хозяйство крестьянские династии,— подтверждает секретарь парткома Людмила Михайловна Степанова. И перечисляет фамилии.

В «Ручьях» семьдесят человек (каждый пятый) моложе тридцати лет. По этому показателю совхоз чуть ли не в области первенство держит. Здесь тридцать комсомольцев да еще двадцать юношей и девушек из «неохваченных», а это резерв обещающий. И молодых семей каждый год прибавляет. Вот и у Людмилы Михайловны сынок родился.

— Пойдемте по нашей новой улице,— предложили Людмила Михайловна и главный зоотехник Валентин Степанович Блыщик. Да, в Ручьях появилась и новая улица. «Конец», как говаривали древние новгородцы. Или «порядок». Есть и такое слово у старожилов. Мне нравится: п о р я д о к. Рядком стоят дома. И порядок — тут уж у слова иное совсем значение — на этой улице образцовый, поскольку в новом доме жить по-старому негоже.

За последние годы совхозу «Ручьи» удалось построить и передать новоселам два многоквартирных двухэтажных дома с городскими удобствами. А через полянку поставили два порядка индивидуальных домов, и тоже каждый со всеми бытовыми удобствами. Они вытянулись параллельными цепочками и по вечерам решительно и уютно разгоняют темень, наползающую со стороны близкого леса. Улицу назвали Лесной, а еще есть — она рядом — Молодежная, но я мысленно назвал ту, что новая, Солдатским порядком. Потому что в доброй половине из восемнадцати домов поселились те, кто вернулся в совхоз из армии. Конечно, сыновья возвращаются к отцу с матерью, но вот женившимся и показавшим всей линией своего поведения, что они остаются работать в совхозе, дирекция предоставила жилье, а это факт особой гордости и отличия в деревне! Ибо разделиться и свой дом поставить недешево да и не так просто.

Что найдет у себя дома солдат, вернувшийся после службы? Это вопрос, определяющий многое. В Ручьях парни, к великой своей радости, нашли две новые улицы, непривычный для этих мест спортивный зал и строительство нового — взамен «красной избы» — Дома культуры. За четыре последних года вернулись из армии шестнадцать парней. Вернулись один за другим Положенковы: Вячеслав, Владислав, Геннадий, Валентин и Анатолий. Вернулись Никитины: Александр, а недавно и Сергей. Трактористы получили тракторы, шоферы — автомашины. Считай, что не гуляли, сразу за руль сели Анатолий Носов, Иван Иванов, а Валентин Положенков пошел в кормоцех. Почти все демобилизованные — коммунисты и комсомольцы. Ребята сноровистые, грамотные, добродушные. Александра Никитина избрали секретарем комсомольской организации. Вячеслав Положенков (теперь и среди сверстников и среди братьев — Вячеслав Иванович!) исполняет обязанности главного инженера совхоза. Армейская выучка, армейская профессия вызвали ответное доверие сельскохозяйственного начальства. Кстати, Положенковы, женатые и холостые, заселили несколько домов на Солдатском порядке.

...На почте у высокой стойки статная женщина в добром полушалке пишет письмо. Начальник отделения связи с сорокалетним стажем Вера Ивановна Заботина (вот она-то помнит не одно здешнее поколение и знает, кто плачет, читая письмо, кто смеется и вздыхает с облегчением), так вот, Вера Ивановна без досужих расспросов догадывается, что пишет, например, Евдокия Павловна Спиридонова сыновьям по адресу воинской части. У Спиридоновой в армии одновременно двое парней: Саша и Володя, близнецы. Здесь школу окончили и успели поработать в совхозе. Соблазнов на стороне много, и мать часто расписывает перемены в Ручьях — боится, вдруг сыновья не вернутся, промашку дадут. О чем пишет мама Евдокия Павловна? Наверное, о том, что нынче ягоды было много, особенно черники, а клюкву взять было трудно — мороз болот не замостил, зима нынче сиротская, и на болота не сунешься. Еще наверняка пишет о том, что строительство Дома культуры подвигается, уже перекрытие кладут над первым этажом; что совхоз стал наконец-то платить за стаж работы, а еще сделали в совхозе КПП — комплексный приемный пункт. Дело очень хорошее. Можно закройщику из района заказать на пошив любую одежду, а сломается телевизор или стиральная машина — за ними нынче приедут из города. По расписанию и по заявке... И еще, что скоро у Никитина Александра свадьба, у Семеновых Петр вернулся из армии и получил трактор...

А про Солдатский порядок мать, наверное, еще раньше писала, потому что такого не было, чтобы совхоз строился, как нынче. «Славутные дома, добро как хорошо» — так, наверное, подумают братья Спиридоновы, прочтя письмо из Ручьев. Ждут их дома, ждут. И не одна мать. Мастерские, поля, техника, речки и леса детства, новостройки. И торные дороги с асфальтом, которым обязательно быть.

КРАСОТУ

И. МИХЕЕВА

Прямые аллеи парка. Мощные, разросшиеся липы и дубы, застывшая гладь прудов. А вдалеке лазоревый дворец с белыми колоннами, сияющий картушами и балконами. Яркое зимнее солнце играет на стеклах окон. У парадного входа Большого дворца сотни людей. Экскурсии приезжают сюда со всех концов страны и из-за рубежа. Много школьников, сверстников юного Пушкина, гения здешних мест. Сюда приезжают полюбоваться прекрасными памятниками русской национальной культуры, приезжают в места, где великий русский поэт создавал свои первые творения, в места, которые он признавал своим «отечеством».

...В 1944 году, когда советские войска освободили Пушкин от гитлеровских захватчиков, глазам предстала картина страшного разрушения. «Поваленные деревья вековых парков лежали, как мертвые великаны. Обрывки старинной парчи, бархата и шелка носил ветер над дымом пожарищ. Картины и фарфор, растоптанные сапогами гитлеровцев, лежали в грязи разбитых аллей. Статуи без голов валялись в кустарнике. Огонь пожирал остатки домов. Горело вокруг все, что могло гореть»,— с горечью писал поэт Николай Тихонов. Во дворце и Камероновой галерее были обнаружены одиннадцать бомб замедленного действия, которые сразу же обезвредили.

Таким увидел город и Александр Кедринский, когда приехал с фронта в командировку; может быть, тогда впервые появилась у него мысль стать архитектором-реставратором... А до войны он увлекался живописью, архитектурой, русской историей. И рисовал, рисовал...

Когда началась война, студенту пятого курса Инженерно-строительного института Кедринскому пришлось прервать учебу. В городе создавались рабочие истребительные отряды. Студенты патрулировали по городу, укрепляли подвалы, превращая их в бомбоубежища, строили баррикады, сооружали огневые точки... Затем армия — сначала Ленинградский, а потом Волховский фронт — восьмая армия. Вот с этой армией солдат Кедринский прошел до конца войны.

— Мне повезло,— рассказывает он.— Я попал в Ленинград в командировку для участия в выставке художников-фронтовиков в конце апреля 1945 года. День Победы вижу как сейчас! Помню радость и слезы, праздничный салют. И все это совпало с днем моего рождения...

Еще во время войны было принято решение о реставрации и воссоздании ансамблей города и его пригородов. Архитектор А. В. Щусев в 1944 году сказал, что, если современники, знавшие и помнившие пригородные дворцы во всем их блеске, не восстановят их полностью, следующие поколения восстановить их не смогут.

В реставрации сотен памятников участвовал архитектор Кедринский. И все они дороги ему, как дети: малые мосты Ленинграда — Ломоносовский, Калинкин, Банковский, Львиный; ансамбль площади Искусств, Петропавловский собор и Петровские ворота, усадьба Юсуповых, горный институт; и работы в пригородах — Петродворце, Гатчине, Павловске. И, наконец, Пушкин, где Кедринский руководит реставрацией дворца, павильонов и парков.

Почти сорок лет отданы делу восстановления памятников русской национальной культуры. И каждая работа была особенной, неповторимой, ставила перед реставратором новые задачи...

Жемчужина Екатерининского дворца — Большой зал площадью около тысячи квадратных метров. Зеркала и окна делают стены как бы прозрачными. Причудлива бесконечно разнообразная золоченая резьба: гирлянды цветов, изящные завитки орнаментов. Плафон по эскизам известного итальянского мастера Джузеппе Валериани; паркет крупного звездчатого рисунка, восстановленный по сохранившемуся, к счастью, фрагменту; настенные подсвечники — жирандоли. Таков зал теперь.

А до реставрации — выбитые снарядами стены с жалкими остатками резьбы, потолок обрушился, зеркала и паркет уничтожены... Ветры, снег, дожди продолжали разрушение... Тогда для смены стропил впервые применили вертолет. Это позволило быстро установить новые конструкции и закрыть зал кровлей... Кропотливая работа по восстановлению отделки зала продолжалась более десяти лет. Научные изыскания в архивах, поиск документов по истории зала позволили обосновать возрождение этого, казалось бы, безвозвратно утраченного шедевра...

— При воссоздании зала нужно было не только убедительно возродить его художественный облик, но главное — сохранить каждый, даже мельчайший кусочек подлинного,— рассказывает А. А. Кедринский.— Воссозданный зал вновь повествует о победах русских войск в Семилетней войне. Возрожденные архитектурные памятники воздействуют на людей, помогают воспитанию патриотизма, законной гордости за созидательный труд их талантливых предков, формируют эстетические вкусы, позволяют лучше и глубже узнать историю Родины.

Сейчас этим залом любуются тысячи посетителей.

В XVIII веке искусство резьбы находилось на очень высоком уровне. «Столярные работы в России выполняются в совершенстве»,— отмечал Растрелли. Мастеров было много, и у каждого

ВОЗРОЖДАЮТ МАСТЕРА

Фото И. Тункеля

А. А. Кедринский и Л. М. Швецкая.

своя творческая манера. Нужно было изучить это богатство, чтобы суметь его воссоздать, чтобы прикоснуться к бесценному подлиннику. Не просто резчики были нужны, но художники, которые чувствовали бы особенности стиля, почерка мастеров того времени, а значит, могли бы раскрыть секреты особой пластики скульптуры.

После войны выросло целое поколение резчиков-художников, которых отличает высочайший профессионализм, одаренность, умение растворяться в замысле автора — человека XVIII — XIX веков. Это лауреат Государственной премии РСФСР В. А. Богданов, А. В. Виноградов, А. К. Кочуев, Ю. М. Козлов и многие другие.

Как же реставрировали деревянную золоченую резьбу Большого зала?.. Сначала снимали с нее остатки старой позолоты, обезвреживали дерево от загнивания; потом дополняли утраты: делали пластилиновые модели по фотографиям и только потом исполняли их в дереве. Очень большую работу проделала ныне покойная Е. С. Гладкова, которая собрала буквально все осколки, все малейшие кусочки, уцелевшие после пожара, тщательно рассортировала их, нашла место каждого в общей композиции зала. Работа резчиков чрезвычайно кропотлива — так, например, над кариатидой, что находится на северной стене зала, работали целый год... А вначале опять-таки изучали архивные материалы, фотографии, особенности подлинника.

Восстановленные детали после работы резчиков поступали в позолотную группу. Сейчас произошла смена поколений, в основном тут работает молодежь и работает хорошо. Терпения позолотчикам не занимать! Детали покрывают клеем, потом грунтуют левкасом, накладывая его до пятнадцати слоев, и затем прорабатывают тончайшие детали. Инструментов у позолотчиков много, и все сделаны по специальному заказу: кисточки, агатовые зубки, стамески, обоюдоострый золотарный нож, которым режут на полоски сусальное золото; притом все эти инструменты у каждого свои...

За их работой наблюдать очень интересно. Вот бригадир Наталья Фомичева осторожно берет кончиком беличьего хвоста с замшевой подушечки полоску сусального золота, аккуратно укладывает ее на поверхность резьбы и разглаживает ее. Полируют золото только в отдельных местах, остальные остаются фоном, и на нем приглушают блеск. Все это создает разнообразие фактуры и выявляет форму. Так золотили два века назад. Так золотят и сейчас. Искусство это полностью освоено и даже усовершенствовано.

Реставраторам все памятники одинаково дороги. Но, наверное, всего дороже те, над которыми только еще работают, которые еще должны открыть людям возрожденную красоту.

Павильон «Эрмитаж» — исключительное по красоте и законченности творение — был предназначен для интимных обедов и приемов. Он возвышался на мраморной площадке. Механизмы поднимали гостей в широких креслах — дамы тогда носили кринолины — на второй этаж, в парадный зал. Столы накрывали внизу и тоже подавали подъемником. После обеда столы уезжали вниз, выдвигался паркет, и зал обеденный превращался в танцевальный.

Во время войны здание было разбито снарядами. Живопись и резьба — еще более ажурная и тонкая, чем во дворце,— сильно пострадали. Была разбита и лестница, которую в XIX веке сделали вместо подъемника. Бригада художников под руководством Я. А. Казакова уже восстановила плафон «Пир богов на Олимпе», бригада Л. Н. Ильцена — живопись потолков галерей и кабинетов. Сейчас работы внутри павильона продолжаются.

— В первый раз я встретился с Казаковым,— рассказывает А. А. Кедринский,— когда он и его товарищи работали над плафоном «Процветание горного дела в России» в колонном зале Ленинградского горного института. Плафон был пробит снарядом, большая часть живописи утрачена. Но и эту многофигурную композицию удалось возродить...

Без увлеченности, одержимости нельзя быть реставратором, будь то архитектор, краснодеревщик, художник или паркетчик. Вот и скульптор-реставратор Лилия Михайловна Швецкая такой одержимый, увлеченный человек. Ее мастерская высоко — под самой крышей. В большой комнате на столах и стенах модели для «золотой анфилады» Растрелли, для янтарного зала... С пятьдесят четвертого года — после окончания Мухинского училища — Лилия Михайловна занимается реставрацией; увлекла своим делом и сына: он ведь, можно сказать, вырос в мастерской, а теперь тоже собирается в Мухинское училище.

— Кедринский дает нам схему, размер лепки, примерный рисунок, исходные фотоматериалы и аналогии,— рассказывает Лилия Михайловна.— Я же разрабатываю скульптуру в объеме: окружаю ее орнаментом, стараясь при всем этом уловить характер, манеру старого мастера. Люди должны видеть в возрожденном не современного скульптора, а работу мастера XVIII или XIX века, с присущими ему особенностями.

Лилия Михайловна в пластилине лепит женский бюст, завершающий пилястры Янтарной комнаты. Эта модель идет к формовщикам, которые отливают ее в гипсе. А потом уже резчики по гипсовой модели исполняют скульптуру в дереве.

Да, каждый памятник реставрации ставит новые задачи. Так было и с Янтарным залом, который, по словам знатока камня А. Е. Ферсмана, был одним из чудес света. Панно, украшавшие зал, подарил Петру Первому прусский король. Из янтаря были вырезаны и скульптурные украшения — гербы, гирлянды и мифологические фигуры. В середине XVIII века «ентарные штуки» из Зимнего дворца в Царское Село перенесли на руках. Растрелли оформил янтарными панно нижний ярус зала. Верх был расписан под янтарь и украшен золоченой резьбой. Панно нижнего яруса раздвинули зеркальными пилястрами, а под ними — постаменты, облицованные уже в России янтарной резьбой.

Эта комната — единственный в мире образец применения янтаря для отделки интерьера. Красивы были сочетания разных оттенков — от светло-желтого до красновато-коричневого и красно-рубинового. Эффект усиливался за счет подкладки под прозрачный янтарь цветной фольги.

Фашисты вывезли Янтарную комнату, и теперь она, по всей вероятности, утеряна безвозвратно. Принято решение о ее воссоздании. В зале восстановлена отделка Растрелли: резные наддверники, пилястры, плафон и паркет. Создан проект восстановления первой очереди янтарной отделки. Проект этот висит в мастерской Кедринского.

Предстоит возродить технику, технологию, художественное ремесло по обработке янтаря, существовавшие в XVIII веке, а это ведь интересно не только для самой реставрации. Нужно не только реставрировать и воссоздавать янтарь на высоком профессиональном уровне давно минувшего времени, но и возродить это искусство для создания новых, современных высокохудожественных изделий.

...Сегодня у А. А. Кедринского, как, впрочем, и всегда, напряженный день. Сначала он обходит мастерские: каждая восстанавливаемая деталь требует постоянного внимания и консультаций, затем — работа над очередным проектом. А вечером он читает курс реставрации памятников архитектуры студентам Института имени Репина Академии художеств СССР. «Подготовка нашей смены — залог успеха реставрации»,— говорит архитектор.

РОДСТВО ХАРАКТЕРОВ

Геннадий
СУХОРУЧЕНКО

БУНТАРИ

Родство характеров разыщется,
в минуты вьюжные согреет нас.
В сердцах — бунтарство от Радищева,
в поступках — дерзость от Рылеева.

Свободный нрав наш виден сразу —
за правду бьемся горячо,
как вольнолюбец Стенька Разин
и как Емеля Пугачев.

О, сколько их! Костьми мостили
дорогу правде на века,
и камни взорванных бастилий
сжимали в синих кулаках.

Передавали, как из детства,
нам гордый дух и жар руки,
и ямбы Пушкина в наследство,
и мудрость ленинской строки.

Не надо мне родства другого,
не надо мне спокойней дней —
над головою шелк багровый
страны великих бунтарей.

ТЕРМИЧКА

Оскалила в ярости желтую пасть
ревущая бешено львица.
Тут в пору от страха на землю упасть —
в ладони чумазые лица.

Но вновь прибавляет огня бригадир.
И я шестеренки швыряю
в звериную пасть — молодой бомбардир,
детали в печи закаляю!

Термичка гудит, словно ярый прибой,
работа в термичке — атака.
И будто иду я в решительный бой,
и некогда хныкать и плакать.

Усталость не выплеснуть песней в зенит,
под крышею пар облаками.
В закопченных окнах кружит и кружит
отчаянно чайка над нами.

Азовское море за цехом... Оно
севрюгой легенду качает.
И мы в перерыв с парапета — на дно
и амфоры греков встречаем.

Здесь спят каравеллы заморских купцов,
здесь ржавое тело подлодки...
Здесь звездочки наших советских бойцов
находят мои одногодки.

И снова — к печам. Без работы — не жизнь.
И львица ревет оголтело
и пламенем дышит — лишь только держись!
И пенится потное тело...

...Детали комбайнов, пройдя сквозь огонь,
в дымящемся масле умылись,
угарно чадя на проходах — не тронь!
А с ними и мы закалились.

Лисицей закат промелькнул меж стволов,
и звезды в глазах у лисицы.
Мы невод закинем. И будет улов
в песке возле ног серебриться.

Уху на костре желтогривом сварю,
добавки бригада попросит.
Вдали Таганрог золотую зарю
на плечи устало набросит.

И будет гитара звучать до утра,
чтоб песнею вволю напиться.
И пламенем будет дышать из костра
всю ночь огнезубая львица...

Суглинок въелся в трещины ладоней,
мозоли, как фасолины, тверды.
Сплю у костра... А рядом бродят кони,
и месяц сторожит всю ночь сады.

Земля моя... В тебя я врос корнями,
в твой чернозем, в твои солончаки.
И чувствую (бывает это с нами) —
следит за мной отец из-под руки.

И дед и прадед из глубин эпохи
меня зовут... И вот уж тут как тут.
Быть может, так в любом поступке, вздохе
со мною предки дальние живут.

И все, что было в дальней жизни предков,
во мне, как эхо — песня или стон...
Они... Нет, я копьем прямым и метким
колю врагов... И багровеет Дон.

Звучат во мне на поле Куликовом
в сражении погибших имена:
Василий, Дмитрий, Святослав... И снова
грядет свинцовой тучею война.

Я — русский... Я совсем небезразличен,
когда на помощь прошлое зовет.
И к зверствам всех врагов, в любом обличье
имею отношение свое.

Французы жгли Москву — на мне ожоги.
Казнили декабристов — их судьбой
я жил в тот скорбный миг. Искали ноги
опору в черной бездне под собой.

Меня бросали в потные казармы,
я вшей кормил, кричал в бою «ура»,
в меня стреляли царские жандармы,
у Зимнего стреляли юнкера.

На мне фашисты выжигали звезды,
меня травили газом... Выжил я.
И пью опять полынный горький воздух,
и рядом конь стоит, траву жуя.

Не изменить мне той привычке давней —
пахать и строить, в хоре песни петь...
Но все тревожней, открывая ставни,
на пасмурное небо мне глядеть.

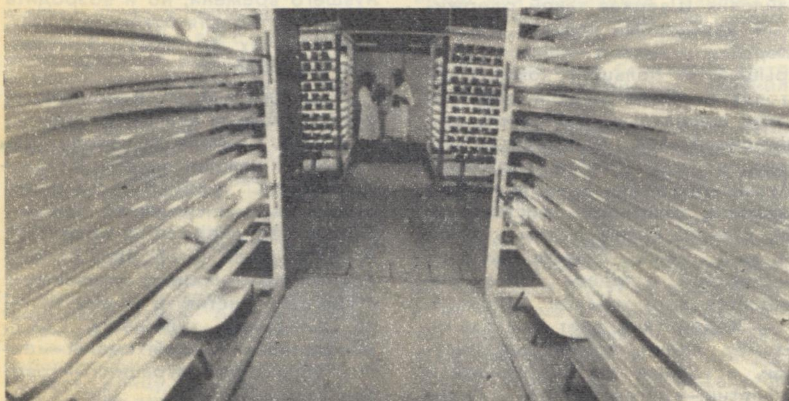
Есть братья у меня — по классу братья.
Последней коркой с ними поделюсь,
Смогу надежды их всегда понять я,
героям их с почтеньем поклонюсь.

Коль позовут в беде — приду на помощь,
в одном строю — на смертный бой, на труд.
Да только, где б я ни был, буду помнить,
какие соки корни мои пьют...

Ростов-на-Дону

ПЛАТИМОНАС — СОЮЗНИК СЕНА

Колхозный биоцех.



Я сразу понял, что для уток слаще этой зеленой пасты нет ничего на свете. Стоило только посмотреть, как они набрасывались на корм, сдобренный зеленым платимонасом. Впрочем, это не так уж меня удивило. Все-таки утки — водоплавающие, а платимонас — микроводоросль (хотя и морская). Но точно так же реагировали на платимонас и ягнята, и телята, и бройлеры. Все они будто догадывались, что микроводоросль содержит каротина в несколько раз больше, чем морковь, обладает полным набором незаменимых аминокислот, щедро накапливает протеин, жиры и витамины. Добавка водорослевой суспензии или пасты в рацион, например, ягнят повышает на 15—20 процентов их среднесуточные привесы, одновременно поднимая сопротивляемость молодняка различным болезням. Но ближайшее море отстоит от колхоза «40 лет Октября» Талды-Курганской области на тысячи километров. Каким же образом добрался сюда платимонас зеленый? Ему помогли в этом ученые Ленинградского ветеринарного института. С их помощью в колхозе спроектировали, построили и пустили в работу биоцех по выращиванию микроскопического обитателя вод Черного моря. Здесь в специальных установках и получают чудодейственную пасту. Расходы на создание биоцеха окупились в первый же год, и теперь он будет приносить до полутора миллионов годовой прибыли (в зависимости от масштабов производства). Что же, выходит, платимонас становится соперником традиционных видов кормов, например, сена или силоса? Ничего подобного — не соперником, а союзником.

У колхоза «40 лет Октября» давние и прочные связи с наукой. Более десятка академических и отраслевых институтов Москвы, Алма-Аты, Ростова, Ленинграда принимают живейшее участие в решении колхозных проблем. С участием алма-атинских ученых разработан план перспективного развития колхоза до 1990 года, согласно которому производство товарной продукции хозяйства возрастет почти втрое по сравнению с уровнем десятой пятилетки. Для ученых, которые внесут большой личный вклад в осуществление Продовольственной программы, учреждена колхозная премия. Кто станет первым ее лауреатом, покажет ближайшее будущее.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

Талды-Курганская область.

Нурекская ГЭС.

НУРЕКСКАЯ ГЭС
введена на полную мощность
30 сентября 1979

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-
кинооператор
Советского телевидения
на Ближнем Востоке

Фото автора

ОККУПАЦИЯ, ЭКСПАНСИЯ, ТЕРРОР

Несколько дней назад сионистское радио сообщило, что один из израильских постов на окраине Бейрута подвергся нападению «террористов», ехавших в автомобиле. Пост ответил огнем, убив нападающих, солдаты не пострадали. Но ливанская пресса заявила по поводу этого случая, что израильтяне расстреляли из пулеметов машину с безоружными людьми. Понятно, что ни о каком «нападении» из автомашины на бронетранспортер и отделение солдат, защищенных по всем правилам фортификации и вооруженных до зубов, не могло быть и речи. Все машины едут мимо постов медленно из-за специально устроенных на дорогах зигзагов и долго находятся под прицелом израильских пулеметов. Расстрел автомобиля с людьми, как здесь считают, был актом оккупационного террора.

Когда газеты сообщили, что в городе Сайда найдено пятнадцать убитых палестинцев, мы отправились в эту столицу ливанского юга.

Подъезжаем к контрольно-пропускному посту израильтян. Слева от нас — врытый в землю бронетранспортер и пулеметный блиндаж. На правой стороне — двое солдат с автоматами контролируют автомобили, всматриваются в лица пассажиров. Появление журналистов не вызывает у оккупантов заметного восторга. Но и оснований не пропустить иностранных корреспондентов на юг у них нет. Снимать себя бравые вояки запрещают — у израильской армии давние нелады с международной прессой.

Южнее Большого Бейрута на контрольных постах рядом с израильтянами стоят солдаты майора Хаддада — их легко узнать по голубым нашивкам. Впрочем, форма у них израильская. Эти господа во главе со своим командиром, находящимся вне закона по решению правительства Ливанской Республики, близкие и верные друзья израильских оккупантов. Они служат своим покровителям не менее рьяно, чем служили гитлеровскому командованию изменники-полицаи. Израиль хочет, чтобы в награду за это весь юг страны — включая город Сайду — был отдан в управление майору Хаддаду. Правительство Ливана ответило решительным отказом. Это не помешало Хаддаду ввести в Сайду свой гарнизон.

Несколько местных жителей рассказали нам, что палестинские семьи, живущие здесь, получают письма с требованиями покинуть город — иначе их убьют. Дошло до того, что подобные листовки раздавались в мечети прямо во время богослужения. Лагерь Айн эль Хельве под Сайдой по-прежнему полуразрушен. Люди живут в трущобах, наскоро сколоченных из ящиков и старого железа, а многие ютятся в развалинах. И здесь палестинским семьям нет покоя.

— Теперь без наших бойцов мы беззащитны,— сказала нам молодая палестинка.— Враги могут безнаказанно убивать нас.

Старый человек в белой национальной куфее, покрывающей седую голову, сидел у развалин своего дома. Его изборожденное глубокими морщинами лицо оставалось совершенно бесстрастным, пока он не заговорил:

— У нас в Айн эль Хельве, в бейрутских Сабре и Шатиле да и во всех лагерях были люди, понадеявшиеся на гарантии американского правительства. Медный пиастр — цена этим гарантиям. А человеческая жизнь стоит теперь и того меньше. Только независимая Палестина, только собственное государство — другого пути у нас нет.

Американское командование провело очередную высадку своих войск в Ливане. Удовлетворение, испытываемое находящимися по соседству израильтянами, было тем более полным, что на бейрутский пляж высаживались ребята мистера Смита. Те самые, которые уже побывали в ливанской столице, когда следили за отходом палестинских боевых отрядов. Вскоре после того, как последний партизан покинул город, отряд командира Смита помахал Бейруту звездно-полосатым флагом и ушел в море, бросив население на произвол израильских интервентов. Затем была резня в Сабре — Шатиле как естественное следствие захвата Западного Бейрута оккупантами...

После четырех неудачных заходов десантное судно пришвартовалось к пирсу. Несколько укачавшаяся морская пехота нестройной толпой затопала по настилу понтонов. Солдаты тащили на себе огромные вещевые мешки, ручные базуки с ракетами, рации, автоматические винтовки, ножи, фляги и массу других полезных при «быстром развертывании» вещей. Крики, брань, хохот сливались в невообразимый гвалт, напоминающий большой восточный базар.

Взморье заполнили десантные суда, боевые корабли, в небе тарахтели вертолеты. Чуть поодаль возвышался горой корпус мощного вертолетоносца, взявшего на себя главное бремя охраны десанта — только неизвестно от кого. Пара полицейских и кучка зевак попыток сбросить десант в море не предпринимали. Так что пляж был взят с хода и без потерь.

Но если говорить серьезно, то мы присутствовали при захвате нового плацдарма военно-морскими силами США. Посмотрите на карту — где Америка, а где Ливан. Воспользовавшись создавшейся здесь обстановкой, Пентагон расширяет и укрепляет свои военные базы на восточном берегу Средиземного моря.

Прошло несколько дней, и ударный авианосец 6-го флота «Нимиц» с сопровождающими кораблями направился отсюда к побережью другой арабской страны — Ливии. Плавучий аэродром с бомбардировщиками на палубе и в трюмах учинил очередную военную провокацию у северного побережья Африки, а затем снова вернулся в ливанские воды.

Это был типичный вооруженный шантаж, называемый еще с периода расцвета колониализма «дипломатией канонерок». В более старые времена эскадры пиратов подходили к прибрежным городам и, наставив пушки на мирных граждан, требовали контрибуцию. С пиратством боролись флоты всех цивилизованных стран, пиратов вешали на реях, но искоренить это зло не удалось и по сей день.

Любые агрессивные акции Израиля на Ближнем Востоке были бы просто невозможны без поддержки американской администрации и американской военной промышленности. Это относится и к нагнетанию напряженности в долине Бекаа и к прямым израильским угрозам в адрес Сирии. Новый военный министр Израиля, бывший посол в Вашингтоне Моше Аренс недвусмысленно заявил, что если Израиль сочтет это необходимым для своей безопасности, то по Сирии будет нанесен «превентивный» удар. Может быть, Вашингтон одернул своего зарвавшегося партнера? Нет, конечно. При полном попустительстве американского руководства Израиль концентрирует войска для этого удара.

При том, что так называемые многонациональные силы, включающие, кроме американской морской пехоты, французский и итальянский батальоны (а недавно здесь появились и англичане), казалось бы, активно патрулируют Бейрут, по городу прокатилась новая волна динамитного террора. Произошло несколько взрывов в палестинских лагерях беженцев, минеры находили и обезвреживали набитые взрывчаткой автомашины в левомусульманской части Большого Бейрута. Снова дороги у тротуаров стали огораживать камнями, снова ливанцы стали смотреть на незнакомые автомобили с беспокойством и страхом. Когда бейрутцы узнали, что в одной из школ взорвался детский ранец, в который неизвестные негодяи заложили заряд, многие родители пришли в ужас.

В начале февраля над Бейрутом прокатился грохот сильного взрыва. В радиусе до трехсот метров от места катастрофы в жилых зданиях разлетелись стекла. На какое-то время город затих, и в этой непривычной тишине раздался такой знакомый бейрутцам режущий уши рев сирен санитарных и пожарных машин. В районе центра города — Хамры в небо поднялся столб черно-бурого дыма...

Центр палестинских исследований был государственным учреждением. Средства на его содержание поступали от арабских стран. Охрану центра осуществляла ливанская армия — ведь здесь

Полесская Олеся * Хохлома. В мастерской.

Экспансия: высадка американской морской пехоты.

была бесценная библиотека с редчайшими изданиями и уникальными историческими документами. Еще во время блокады Бейрута израильская агентура пыталась взорвать центр. Теперь террористам удалось поставить заминированную машину вплотную к дому, где находилась эта знаменитая на весь Восток научно-исследовательская организация.

От страшного взрыва в узкой улице рухнули фасады зданий. Прохожих разорвало на куски — кровавые пятна еще долго можно было видеть на стенах окружающих домов. Погибли и ливанские солдаты из группы охраны. Не стоит подробно описывать все, что мы увидели на месте взрыва. Достаточно сказать, что убито было 22 человека, включая женщин и идущих домой из школы детей. В больницу увезли более ста пятидесяти раненных осколками и обожженных пожаром на улице, в здании центра и в расположенном напротив доме. Спасатели и пожарные двое суток вытаскивали из-под обломков останки убитых. В течение последующей недели в госпиталях умерло от ран еще тридцать жертв варварского преступления...

Бейрут

На юге Ливана.

Террор: на месте взрыва автомашины у Центра палестинских исследований в Бейруте.

НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ

— Война... Я не хочу, чтобы кто-то пережил ее вновь. Война должна быть исключена из нашей жизни раз и навсегда.

Мадам Обри приехала из Парижа. Здесь, в Москве, она не первый раз. Ветераны второй мировой войны и узники нацистских концлагерей стараются встречаться как можно чаще.

— А как же иначе,— с оттенком грусти говорит мадам Обри,— нас с каждым годом все меньше и меньше...

В Волгограде она побывала впервые. Расширенное заседание президиума Международной федерации борцов Сопротивления, проходившее в городе-герое на Волге, собрало борцов с фашизмом и нацизмом из 25 стран. И символично, что на берегах великой русской реки ветераны второй мировой войны сказали вновь свое решительное «нет» нависшей угрозе ядерной войны.

— Сталинград для всех нас остается символом непоколебимости и героизма советского народа. Здесь, под стенами Сталинграда, начался коренной поворот в войне. И я помню, с каким вниманием мы слушали голос из Лондона о наступлении советских войск и разгроме фашистских орд под Сталинградом. Память о героях той битвы священна. О прошедшей битве нам напоминали в Волгограде памятники и названия улиц, то почтение к ветеранам войны, которое проявляет молодое поколение советских людей.

Мадам Обри вступила в борьбу с нацистами сразу же после того, как гитлеровцы оккупировали Париж.

— Мрачные годы, полные страха и ужаса,— так описывает мадам Обри те времена.— Мы не могли не бороться. Униженная и оскорбленная Франция, наглость и террор гитлеровцев — все это вызывало чувство негодования. Мой муж сразу стал в ряды Сопротивления, и я за ним. Но что может женщина в этой жестокой войне? Я была связной, как и многие другие француженки, но были и такие, которые сражались с оружием в руках против непрошеных гостей.

Однажды ночью гитлеровцы ворвались в ее дом. Они арестовали мужа, перевернули все вверх дном. Плакал четырехлетний сын. Мужа увели в тюрьму, а на следующий день и ее привезли на допрос. Нет, от нее нацисты ничего не добились, а товарищи не выдали. Ее отпустили, а мужа отправили в концлагерь. «После ареста мужа я продолжала бороться против фашизма, но уже с удвоенной энергией — за себя и за мужа».

Сейчас мадам Обри возглавляет канцелярию министра по делам ветеранов войны Франции.

— Такие встречи ветеранов войны, как в Волгограде, нужны и полезны. Ведь мы, ветераны, являемся живыми свидетелями тех горьких и героических дней, и кто же, кроме нас, может донести правду о них нашим детям и внукам? В мире нет ничего дороже мира... Пользуясь случаем, я хотела бы пожелать мира и счастья всем женщинам вашей великой страны, пожелать, чтобы не повторилось несчастье, которое обрушилось на нас больше сорока лет назад. Все женщины земли должны чувствовать свою личную ответственность за судьбы мира и оберегать его.

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА

Цифры полустерлись, но все еще заметны. Они выколоты на руке немного выше запястья. Роза Гольштейн показывает номер, чуть смущаясь. «Это номер заключенной концентрационного лагеря Освенцима. Метка на всю жизнь»,— говорит она. На всю жизнь осталась и ненависть к фашизму. Прошли десятки лет, а память сохраняет все до мельчайших подробностей, память не оставляет ни на миг и преследует во сне и наяву. Неужели прошло столько времени? Кажется, все было совсем недавно. Конечно, через призму времени часть воспоминаний искажается, но правда остается всегда одна: фашизм — это омерзительное унижение и смерть.

Так же, как и мадам Обри, Р. Гольштейн приехала на расширенное заседание президиума Международной федерации борцов Сопротивления, проходившее в Волгограде.

— Когда немцы оккупировали Бельгию,— говорит Роза Гольштейн,— мне было девятнадцать лет. Но мы тогда взрослели быстро. Для меня был один выбор — борьба. А через три года — провал подпольной организации, тюрьма, допросы, Освенцим. Лишь в 1945 году пришло освобождение.

Даже сейчас война все еще напоминает о себе. Вот и лионский палач Барбье скоро предстанет перед справедливым судом. На счету у бывшего шефа гестапо в Лионе тысячи убитых, угнанных в Германию, брошенных в тюрьмы. Он должен ответить перед судом за преступления против человечества. Еще и еще раз необходимо показать опасность всей системы, которая зиждется на терроре, жестокости и насилии, системы, которую создал нацизм. Я хочу сказать, что на скамье подсудимых будет не один Барбье. С ним вместе будут судить фашизм, вчерашний и сегодняшний, во всех его обличьях и проявлениях.

В прошлом году я присутствовала на процессе в западногерманском городе Киле по делу гестаповца Курта Аше, который отправлял бельгийцев в концентрационные лагеря. Вместе со мной были десять других оставшихся в живых узников Освенцима. С помощью антифашистов Киля мы попали в здание суда, сели на первый ряд и оголили свои руки с лагерными номерами. Разве это было недостаточным доказательством его вины?

Я думаю, что мы, бывшие узники фашистских концлагерей, сделаем то же самое и на процессе Барбье. Лионский мясник должен понести заслуженное наказание.

Интервью взял В. ДУНАЕВ

1.

2.

3.

4.

ЭСЭСТАФЕТА

САТИРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

1. Палач носил мундир СС,
Карал без сожаленья.
Отмечен был головорез
Крестом за преступленья.

2. Американцам сдался в плен,
Свою спасая шкуру.
Убийцу ражий полисмен
Повел в комендатуру.

3. Нацист пришелся ко двору,
Преступника простили
И на работу в ЦРУ
С восторгом пригласили.

4. Опять эсэсовец-бандит
Мечтает о походе...
Один во Франции сидит,
А сотни — на свободе!

Микола ЛУКИВ

ОТЦОВЫ ПИСЬМА

●

Сады цветут под небесами,
Сады цветут.
И грусть и смех в глазах
у мамы —
Сады цветут.
Приеду, стану на пригорке,
А завтра — в путь.
Счастливо так, светло и горько
Сады цветут.

НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Непрядва. Небо васильково.
Луга сверкают от росы.
А здесь вот поле Куликово —
Святыня матушки Руси.
Река и ныне полнит воды,
И ей не знать забвенья тьмы.
Здесь зарождалась та свобода,
Которую вдыхаем мы.

●

На закатной черте
После теплого, светлого дня,
На закатной черте
Тополя шелестят, меднолицы...
На закатной черте
В предвечернем аккорде огня
Растворяется тихо
Волнистое море пшеницы.
А над миром неспешно
Угасает далекий пожар.
Шелестят колоски,
Пролетает под звездами птица,—
И стоит среди поля,
Засмотревшись на мир,
Хлебодар:
Век он прожил в степи,
А не смог красоте надивиться.

МИКУЛА

Летят века, вселенная в движеньи,
Минуют троны, Трои, короли,
Минует все, хотя не все —
в забвеньи.
А он — и нынче с плугом
у земли.
Пускай конягу тракторы сменили,
И мир не раз был новью изумлен,
Но для народов засевает нивы
Он.

●

Сколько лет над рекой
громоздится гора,
Сколько лет здесь леса и луга
зеленеют,
Сколько лет в вольных волнах
Днепра
Глубоко небеса голубеют?
Сколько лет бьет из недр
родников серебро,
Сколько лет здесь рассветы
сверкают росою,
Сколько в землю святую
людей полегло,
Чтобы ты любовался
всей этой красою?

●

Отцовы письма так просты —
Без подписи и даты.
Душа не может доброты
За кратким словом спрятать.
«На праздник приезжай
домой...» —
Язык нехитр, сердечен.
Любовь — за каждою строкой,
Хоть про любовь нет речи.
Тропа до отчего крыльца.
Криница возле хаты...
Все видно в письмах от отца
Без подписи и даты.

ПАМЯТЬ

Луга забывают сухую траву,
Леса забывают сухие листья,
Зерно — над полями небес синеву,
А люди — своих прародителей
лица.
Но в память о травах растет
трава,
В память о листьях
трепещут листья,
Земля на зерно заявляет права,
И предков черты берегут наши
лица.

●

В гостиницу из камня и стекла
Несмелою и тихою стопою
Вошла при мне крестьянка из села
И запах поля принесла с собою.

Я долго-долго в эту ночь не спал,
В окне огней менялись панорамы.
И то и дело в памяти вставал
Родной, далекий, светлый
образ мамы.

**Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.**

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА КОНЦЕРТНОЙ ЭСТРАДЕ

Давно пришла к Вере Прокушевой известность прекрасной исполнительницы русских романсов, классики, замечательной лирики Есенина в музыке. На эти концерты ходит публика, любящая и понимающая ее исполнение. Безупречный вкус певицы, глубокое проникновение в лирический мир поэта, композитора, владение искусством образного перевоплощения, наконец, самый голос, душевный и широкий,— все это превращает вокальные вечера артистки в событие, где бы она ни пела — на столичной ли сцене или в Доме культуры отдаленного села... А все начиналось с того, что мать ее, простая крестьянка, знавшая множество сказок, преданий, а главное, народных песен, доставляла девочке особую душевную радость, когда пела. Некоторые песни тянули вдвоем; дуэт был, возможно, всего лишь семейным, наивным, но дочери эти минуты запомнились на всю жизнь. Вот такими были первые ее уроки музыки.

После смерти матери — а она умерла рано — детство стало нелегким; перед самой войной переехала Вера из своего родного села Архангельского, что на Тамбовщине, к родным в Москву и поступила работницей в мартеновский цех металлургического завода «Серп и молот»... Училась в школе рабочей молодежи, жила в общежитии, а в свободные

минуты пела подружкам любимые песни. Девчата говорили: «Тебе учиться надо, смотри-ка, голос какой у тебя!»

И Прокушева стала студенткой музыкального института имени Гнесиных. В ее судьбе принимали участие и Елена Фабиановна Гнесина и Анатолий Новиков, известный советский композитор; однажды он подарил студентке сборник своих произведений с напутственной надписью: «Держись за русскую песню!»

Занималась Вера упорно, начиная все с азов. И не раз думала: «Не бросить ли все это?» Но гнала сомнения, учеба продолжалась, и перед Верой раскрывались заветные страницы русской культуры, тайны вокального искусства. А потом начался новый этап жизни — творческий путь певицы.

Сегодня в программе концертов Прокушевой романсы Чайковского, Танеева, Мусоргского, других русских композиторов. Мусоргский — один из самых любимых.

Сила Прокушевой-певицы—в искренности. В единстве с тем миром, где родилась песня. В личном восприятии этого мира.

Слушая артистку, вспоминаешь старинные, во многом забытые импровизационные формы народного вокального искусства. Вера Георгиевна воскрешает русскую исполнительскую культуру. В этом смысле подлинным открытием стала для нее работа над песнями и романсами, написанными на стихи Есенина.

Выбрав из огромного музыкального наследия, связанного с творчеством поэта, наиболее близкие ей произведения, она создала своеобразную музыкально-концертную программу, оставляющую цельное впечатление.

Многие страницы музыкальной «Есенинианы» звучат по-новому, открытые именно талантливым исполнением Прокушевой.

Четверть века напряженных творческих поисков своего «лица», своего репертуара, своей исполнительской манеры, своего художественного «почерка», без чего на концертной эстраде невозможно жить подлинным искусством,— вот что всегда было характерно для Веры Прокушевой — актрисы высокого эстетического вкуса, предельной требовательности к себе.

В этом убеждает сложнейшая в вокальном отношении, чрезвычайно интересная, содержательная новая концертная программа Веры Прокушевой.

Отрадно было услышать в проникновенном исполнении Веры Прокушевой романсы двух замечательных композиторов нашего времени — Мясковского и Шапорина, которые, к сожалению, крайне редко включаются в филармонические концертные программы.

...Октябрьский зал Дома союзов. Заканчивается вокальный вечер артистки Москонцерта Веры Прокушевой. За фортепьяно тонкий, вдумчивый музыкант Всеволод Сокол-Мацук. Публика встречает восторженно их слаженный, единый ансамбль.

На этом концерте Вера Прокушева еще раз вновь подтвердила свое исполнительское «кредо»: страстного, последовательного, талантливого пропагандиста на эстраде советского романса.

В концертных выступлениях Веры Прокушевой, в каждой новой ее вокальной программе органически слиты воедино страсть к поэзии, музыке, к русской истории и русскому искусству.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

КРАХ ОПЕРАЦИИ «БРАК»

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Кто говорит, что браки ныне свершаются не на небесах? Кто утверждает, что любви не все возрасты покорны? Кто отрицает, что в наше время нет места настоящему чувству?

Неправда! И разве не подтверждает это хотя бы такой отрывок из письма: «Сашуля мой! Я люблю тебя так, что не сможешь никак ты меня разлюбить, никогда, никогда! Всегда твоя Лина».

Александр Николаевич Волжский[1], которому было адресовано столь пламенное послание, оказался в числе тех, кто (и это, может быть, в других обстоятельствах и сделало бы ему честь) верит в настоящую любовь. И он не устоял — вскоре отдал свою руку и сердце женщине, весьма напористой, хотя уже, как говорится, в возрасте.

Брак состоялся... Но что-то уж очень быстро на цепях Гименея появился изрядный налет ржавчины. Не прошло и нескольких недель после замужества, как Лилина Федоровна Ивченко стала требовать, чтобы муж купил дачу и оформил на ее имя. В разговорах с друзьями она делилась: «Дача должна быть моей собственностью — иначе зачем жить со стариком?»

Так за завесой «страсти нежной» впервые проклюнулись обыкновенное стяжательство и цинизм.

А вскоре Александру Николаевичу и вовсе пришлось спуститься с небес на землю. Стоило ему тяжело заболеть, как «любящая» жена потребовала, чтобы он написал завещание в ее пользу. Да, так просто, не отходя от постели, предъявила ультиматум человеку, чья жизнь висела на волоске: или отписываешь мне имущество, или брошу тебя на произвол судьбы.

И это было не пустой угрозой. Когда Волжский с негодованием отверг ее кощунственные домогательства, Лилина Федоровна, «в отместку» прихватив с собой все содержимое холодильника, покинула дом. А человек, которому она лишь недавно клялась быть верной до конца его дней, остался один на один с тяжелым недугом...

Но фронтовые друзья не бросили Александра Николаевича. Ему помогли побороть болезнь, выходили его, поставили на ноги.

Лилина Федоровна грызла с досады ногти. Как же это она обмишулилась, поторопилась «похоронить» мужа? А ведь он ей еще нужен. Незадолго перед тем, как начать неудавшуюся операцию с завещанием, Ивченко подала заявление в бюро обмена с просьбой разрешить ей вместо своей квартиры в Подмосковье получить жилье в столице. Дело осложнялось тем, что чуть раньше, до брака с Волжским, она уже пыталась произвести такой обмен. Но соответствующая комиссия Моссовета увидела в этом корыстные намерения, так как ее партнером в сделке был 80-летний больной старик, и отказала. Теперь же заявление об обмене подкреплялось солидным ходатайством. Ибо авторитетная организация, членом которой состоит Александр Николаевич, решила поддержать просьбу его жены. Тем более что Ивченко мотивировала ее необходимостью «приближения к месту жительства мужа».

...Что же делать? Как вернуть доверие человека, которого она обманула, предала? Ведь их разрыв может означать, что ей не видать Москвы как своих ушей.

И Лилина Федоровна срочно бьет отбой, разворачивается на сто восемьдесят градусов. Она вновь со всех ног бросается к Александру Николаевичу: «Да, виновата, поддалась эмоциям, но я уже раскаялась. И люблю, люблю... Если не простишь, свет не мил...»

Артистизма ей не занимать. И Волжский, человек по натуре добрый, отходчивый и, скажем прямо, чересчур доверчивый, принял этот спектакль за чистую монету.

Лилина Федоровна удовлетворена — только бы дотянуть до того вожделенного момента, когда на листке ее паспорта появится штамп столичной прописки.

19 января 1982 года Ивченко узнает наконец, что обмен ей разрешен. И тут же, без всякого зазрения совести, покидает мужа. Оставляет его в доме отдыха, где они находились, и устремляется в столицу. «Приближение к месту жительства мужа» длилось недолго — всего одни сутки. Ибо в ночь с 20 на 21 января Лилина Федоровна под покровом ночи, словно тать, вламывается в квартиру Волжского и на грузовой машине вывозит оттуда принадлежащие ему вещи. Так неземная страсть обернулась вульгарным посягательством на имущество.

А Александр Николаевич в тревоге: в условленный день жена не вернулась в дом отдыха. Он звонит на свою московскую квартиру — молчание. Связывается по телефону с дочерью Ивченко — та заверяет, что ничего о матери не знает. Волжский бросается в подмосковный Лосино-Петровский где прописана жена,— там ее тоже нет, не видели ее и соседи, знакомые. Остается одно — заявить в милицию...

Только на десятый день пропажа сыскалась — работники органов внутренних дел обнаружили, где скрывается беглянка. Удалось установить, что именно она с помощью подручных очистила квартиру мужа.

...А. Н. Волжский не первая жертва предприимчивой «жены-профессионалки». Счет мужьям еще на заре своей туманной юности она открыла неким К. Как протекал этот брак, трудно сказать, так как Лилина Федоровна уверяет, что ничего о своем первом супруге не знает. Трудно в это поверить, тем более что он является отцом ее старшей дочери. Но допустим...

А вот со следующим мужем мне встретиться удалось. А. М. Шапкин, преподаватель одного из московских вузов, узнав, что я приехал в связи с его бывшей женой, бледнеет:

— Опять на меня куда-нибудь написала? Неужели не найдется управы на эту женщину? Который год не дает жить спокойно. И если бы только мне...

После заверений, что на этот раз его покою ничего не грозит, Андрей Максимович облегченно вздыхает (правда, посасывая при этом таблетку валидола) и воскрешает некоторые эпизоды биографии бывшей супруги.

Знакомство их произошло в середине пятидесятых годов на Урале. Была тогда Лилина Федоровна молода, привлекательна, о своей любви, как всегда, говорила проникновенно. И Шапкин поверил ей — они сошлись. Как человек порядочный, он немедленно удочерил ее пятилетнюю Катю. А вскоре родился у них ребенок.

Андрей Максимович защитил диссертацию и по конкурсу был избран преподавателем в Запорожский машиностроительный институт. Но тут подстерегла его беда: он попал в автомобильную аварию, получил тяжелую травму. В результате — инвалидность.

Пришлось расстаться с преподаванием и перейти на более чем скромную работу.

Лилину Федоровну «бесперспективный» муж-инвалид не устраивает. С легким сердцем отрекается она от человека, только что перенесшего тяжелый удар судьбы, и перебирается в Евпаторию к очередному кандидату в мужья, не забыв при этом предъявить Шапкину иск на алименты детям.

А он меж тем постепенно оправляется от болезни, получает хорошую работу, переезжает в Москву.

Тут-то Лилина Федоровна и спохватилась: что она наделала? Муж, оказывается, не безнадежен, того гляди в доктора выйдет. Да и жилплощадь в Москве — штука заманчивая.

На Шапкина обрушивается град писем. Лейтмотив их для нее обычный: «Виновата, поддалась эмоциям. Но теперь поняла: люблю, люблю». И т. д. А в завершение всех посланий непременный довод: «Вызови хотя бы ради дочери — ей нужна Москва».

И Андрей Максимович сдался — Лилина Федоровна очутилась в столице. Но, увы, не для того, чтобы наладить супружескую жизнь, посвятить себя воспитанию детей. Для нее брак — очередная ставка на крупный выигрыш. Она вновь всячески третирует мужа: «Думала, выхожу за будущую звезду, а ты — несостоявшийся доктор, пешка, не более».

Лилина Федоровна решает делать «карьеру» сама — поступает на работу в качестве начальника отдела кадров заочного педагогического института и одновременно становится студенткой факультета дошкольного воспитания. Ну что ж, намерение благое... Если бы оно было подтверждено делом!

Но она, как всегда, опережает события. Решив, что теперь-то руки у нее развязаны, Лилина Федоровна окончательно скидывает с себя маску любящей супруги. Приводит в дом сожителя (и это при муже, на глазах у детей), некоего М. Перед ней уже маячит «сладкая жизнь» — ведь М. «перспективен», он учится в весьма престижном высшем учебном заведении.

Шапкин вынужден неделями ночевать вне дома. Но есть еще старшая дочь. Она мешает? Что ж, можно отдать ее в интернат. Разве у матери-кукушки есть что-нибудь святое? Оттуда Катю вскоре отчисляют — морально травмированная девочка плохо ведет себя, рвется домой, надеясь, что мать одумается.

Но для матери она уже отрезанный ломоть. Ведь муж, дочь для Лилины Федоровны — лишь разменные монеты, которые она при необходимости пускает в оборот.

Слезы дочери не находят отклика в черствой душе. И она отправляет ее к своей матери в Новокузнецк, к Катиной бабушке, живущей на скромную пенсию. И забывает о ее существовании. Вот выдержки из писем бабушки к Лилине Федоровне, которые как нельзя лучше (или, точнее, хуже) характеризуют «героиню» этого очерка: «Катя у меня живет два месяца, а ты за два месяца послала ей 25 рублей... У тебя нет нисколько совести, так ее выпроводить разутую и почти раздетую, даже не купив пару туфель. Она сейчас ходит почти босая... Как же ты будешь воспитывать чужих детей, когда не смогла воспитать собственную дочь... Катя ведет себя плохо, гуляет до двух часов ночи, а иногда и совсем не приходит домой, где ночует — неизвестно...»

Сердце какой матери не тронули бы эти строки? А если к этому присовокупить еще и слезное обращение дочери: «Мама, денег нет совершенно, живу на воде и хлебе»...

Однако Лилина Федоровна остается равнодушной к злоключениям Кати. Но тут Андрей Максимович, узнав о положении приемной дочери, поспешил ей на помощь. Он вызвал Катю к себе, с большим трудом возобновив ей московскую прописку.

А Лилине Федоровне и на этот раз не удалось взять бога за бороду. М., на которого она делала очередную ставку, видимо, вовремя раскусил свою бывалую подругу и поспешил с нею расстаться. Но тут на ее пути встретился новый кандидат в мужья — Григорий Юрьевич И. из Днепропетровска. И в суд поступило следующее заявление: «...Прошу ускорить расторжение брака, так как я беременна от другого, близкого

[1] Имена и фамилии некоторых действующих в очерке лиц изменены. Редакция руководствовалась теми соображениями, что эти люди, понеся моральный ущерб, достаточно наказаны, и было бы несправедливо обнародовать их фамилии.

мне человека, с которым намерена вступить в брак. Справку прилагаю».

И это не стесняется написать мать двоих детей, да еще при живом, как говорится, муже! Неплохая характеристика для будущей воспитательницы дошколят, не правда ли?

Лилина Федоровна добилась своей цели. Оковы ставшего ей ненужным брака вновь сброшены. И лишь через несколько дней выяснилось, что и на этот раз она сыграла фальшивой картой — справка о беременности оказалась липовой. Ее сварганила по знакомству соседка, медсестра Б.

Теперь перед ней другая задача — выжить. Шапкина из квартиры. Вновь идет в ход беспардонная ложь. Чего только не наворотила в своем заявлении в суд Лилина Федоровна, ходатайствуя о выселении бывшего мужа: и в квартире он не живет, за жилье не платит, за коммунальные услуги тоже.

Но ввести суд в заблуждение на этот раз не удалось — в выселении Шапкина ей отказано, квартиру приходится разменивать. Но разве может она, Лилина Федоровна, которой предназначен, как ей представляется, блистательный жизненный взлет, «прозябать» в одной-единственной комнате? Да еще с дочкой...

Да, теперь и младшая, Лина, стала помехой, и ее просто-напросто выгоняют из дома. И девочка, доведенная до крайности, обращается к отцу: «Папочка, милый мой! Сейчас мне совсем, совсем некуда идти и негде жить. Отчим всячески издевается надо мной и каждый день выгоняет из дома. Папочка! Я сразу же, завтра хочу переехать к тебе. Твоя дочь Лина».

Какой отец останется глух к этому крику отчаяния? И Андрей Максимович забирает дочь к себе, что вполне устраивало бывшую жену. Ведь Лина для нее теперь только обуза.

Однако жить в одной комнате даже вдвоем, без дочери, ее уже не устраивает. Никакими средствами не брезгует она, чтобы заполучить отдельную квартиру. Лилина Федоровна фиктивно разводится с И. и вновь регистрирует брак с ним. Только бы добиться цели!

И вот она владелица двухкомнатной квартиры в столице. Но, увы, ее надежды на карьеру И. не сбылись — он не стал ни министром, ни дипломатом, ни на худой конец доктором наук. Очередная разменная монета девальвирована, пора ее сбрасывать со счетов. И Лилина Федоровна вновь, на этот раз окончательно, дает отставку Григорию Юрьевичу.

Последняя жертва матримониальных устремлений хищницы нам уже известна — это Волжский. И на этот раз она пыталась вызвать сочувствие, изобразить себя жертвой — любящей женщиной, обманутой «коварным соблазнителем». Но в своей погоне за деньгами, зоологической алчностью она выдала себя с головой, цинично в присутствии свидетелей заявив, что готова дать согласие на развод, если Волжский будет систематически... выплачивать ей отступные.

Народный суд Волгоградского района разобрался в хитросплетениях, которыми пыталась запутать дело прохиндейка, после тщательного разбирательства признал брак А. Н. Волжского и Л. Ф. Ивченко недействительным, так как последняя «не преследовала цели создания семьи, а преследовала иные цели имущественного порядка и другие цели, связанные с жилплощадью». Московский городской суд утвердил это решение, и оно вступило в законную силу.

Но что Лилине Федоровне закон? Она вновь вступает на путь беспочвенных обвинений, лжи, клеветы, оперирует липовыми документами, что, впрочем, делала и раньше. Трижды не являлась она на заседания народного суда, представляя состряпанные ею справки или же под выдуманными предлогами. Лишь в четвертый раз, и то после вмешательства милиции, удалось заставить ее прийти на судебное разбирательство.

И тут же, в зале суда, после оглашения решения Ивченко обрушивает град угроз на бывшего мужа, открыто заявляет, что не оставит его в покое. Свое слово на этот раз она держит. В различные организации, людям, так или иначе связанным по работе с Волжским, Лилина Федоровна усердно направляет письма — как за подписью, так и без оной,— стремясь опорочить Александра Николаевича, втоптать его имя в грязь, столкнуть его с теми, с кем он поддерживает добрые отношения.

Стоило Ивченко узнать, что ее проделками заинтересовался «Огонек», как немедленно последовало письмо в редакцию, где она, видимо, считая, что лучшая защита — нападение, пытается ошельмовать Волжского, обвиняя его в клевете(!) и вымогательстве, свидетелей защиты — в ложных показаниях, народный суд — в том, что он не более чем «орудие мести», и т. д. и т. п.

Короче, все вокруг шантажисты, мошенники, лиходеи. Только она, Лилина Федоровна,— кристально чистый человек, эдакий борец за правду. А для придания всему этому весомости Ивченко ссылается на некоторые авторитетные инстанции, которые якобы занимаются «делом Волжского».

Конечно, все это чистый блеф. Обвинения в адрес Александра Николаевича, провокационные выпады в сторону свидетелей защиты, народного суда не более чем очередная выдумка. Это подтверждается решением Московского городского суда, ответом прокуратуры Волгоградского района, проверявшей жалобу Ивченко.

Но она не сдается. Продолжает свою очернительскую деятельность, втягивая в нее все новые и новые инстанции, мутит воду, возводит на людей напраслину.

Главное оружие Ивченко — клевета. Она твердо усвоила, что если хочешь отомстить человеку, создать вокруг него обстановку недоверия — вылей на него ушат грязи. И если хоть какое-то пятнышко останется — дело сделано.

Кляуза для людей нечистоплотных — излюбленное средство расправы, способ достигнуть своей низкой цели. Псевдообличительное заявление, хитроумный навет — больно ранящее орудие в руках клеветника. И, к сожалению, мы еще не научились давать ему отпор, разоблачать его публично, наказывать того, кто готов оболгать, опорочить честного человека во имя того, чтобы добиться для себя каких-то выгод.

Философия вседозволенности, которую исповедует Ивченко, определила линию ее поведения, ее наглость и алчность, изворотливость и мстительность, умение держать в страхе окружающих.

Пора ее остановить. И правы старые коммунисты — полковник в отставке В. Вершинин, член партии с полувековым стажем М. Тихомиров, ветеран Отечественной войны Д. Оробинский и другие,— которые в своем письме в редакцию выражают возмущение моральным обликом Л. Ф. Ивченко, требуют раз и навсегда поставить заслон махинациям брачной прохиндейки, оградить честных людей от ее шантажа, грязных домогательств.

И мы верим, что так и будет. Ибо у нас нет личностей, которым все дозволено. Любая попытка пренебречь нормами принятой в нашем обществе морали или обойти законы рано или поздно терпит крах.

Финалистки первенства 1924 года. Справа — С. Мальцева.

ДОЛГОЛЕТИЕ — В СПОРТЕ

Знакомство состоялось в Лужниках в первый по-настоящему январский день нынешней, теплой зимы. Снег наконец-то накрыл легкоатлетическое поле стадиона, и одна из 97 групп здоровья, прописанных на Большой спортивной арене, прокладывала первую в сезоне лыжню.

Навстречу мне нешироким, но легким шагом двигалась лыжница в синей куртке. Мне уже сказали, что это она, Софья Васильевна Мальцева, но я отказывалась верить собственным глазам. Я знала, что мне предстоит увидеть 87-летнюю женщину, а между тем она только что на моих глазах прошла второй круг...

Софья Васильевна всегда жила в Москве, родилась на самой «московской» улице Петровке и спортом увлекалась с детства: играла с братьями в городки, летала на «гигантских шагах», бегала за футбольным мячом. Начало XX века было, оказывается, весьма эксцентрическим временем. Слушательницы Высших женских курсов создали, например, свою футбольную команду. С ней успешно соревновалась другая женская команда, куда приняли и гимназистку Софью Мальцеву.

В Петровско-Разумовском, где семья Мальцевых проводила лето, любители организовали спортивный клуб. Полагалось внести небольшой взнос — и, пожалуйста, играй на лугу в футбол или занимайся легкой атлетикой. Здесь в 1911 году Софья Мальцева впервые взяла приз — в беге на 100 метров. После финиша ее сфотографировали в спортивной форме: матросской блузе, длинных, до колен, шароварах и, конечно, в чулках, как требовали приличия.

Здесь она впервые вышла на теннисный корт. Ей повезло, что летом 1915 года в Сходне ее игру увидели мастера из теннисного клуба. Вскоре она и сама стала членом этого клуба «Унион», что располагался в Самарском переулке. И поняла, что теннис — это ее спорт, ставший судьбой.

Наступало грозовое время, шла война, за ней — революция. Но оказалось, что и революции нужен спорт. В 1918 году было разыграно первенство Москвы по теннису, на котором неожиданно для знатоков чемпионкой стала мало кому известная теннисистка Мальцева. Она сразу привлекла внимание изящным, легким стилем игры. В 1924 году на первенстве СССР она вышла в финал, хотя и проиграла Суходольской. А в 1928-м, на первой Всесоюзной спартакиаде, ее ждал триумф: она стала победительницей, опередив знаменитых в то время мастеров ракетки Александрову и Теплякову. Мальцева первая среди женщин-теннисисток нашей страны стала исповедовать активный, атакующий теннис с выходом к сетке и игрой с лета. В этом был залог многих ее побед. В 1932-м, на чемпионате СССР, Мальцева выиграла в одиночном и парном разряде. И когда три года спустя было учреждено звание «Мастер спорта», в числе первых оно было присвоено Софье Васильевне Мальцевой.

Теннис наполнял ее жизнь. Восемнадцать раз она входила в десятку сильнейших теннисисток страны, много играла сама, тренировала других, 30 лет состояла в спортивно-классификационной комиссии, в качестве судьи всесоюзной категории была в главной судейской коллегии на всех крупных соревнованиях страны по теннису, стала заслуженным мастером спорта.

В конце 50-х годов, когда она перестала выходить на корт, возник вынужденный перерыв в спортивных занятиях. Перед ней, как перед многими пожилыми людьми, встал вопрос: как сохранить здоровье, выносливость, «форму», к которой она привыкла? Многие смиряются с издержками возраста, Мальцева же пришла в группу здоровья Лужников. Сегодня она с убеждением говорит, что физически чувствует себя лучше, чем 24 года назад, на первом занятии.

Три тысячи человек тренируются в группах здоровья только на Большой спортивной арене. Группа, где занимается Софья Васильевна,— старшая по возрасту. Но все равно два раза в неделю, как и другие участники занятий, они приходят поочередно — то в спортивный зал, то на поле для тренировок. Руководит группой опытный тренер-педагог, выпускница Института физкультуры Дина Михайловна Шошина. Здесь занимаются, разумеется, не только спортсмены, но и люди, раньше далекие от физкультуры. И тем, кто поначалу не очень верит в свои силы, Дина Михайловна обязательно приводит в пример Мальцеву: самую старшую, но самую пунктуальную и активную среди ее подопечных, доказавшую своей судьбой, что спорт — это жизнь.

М. ГРИНЕВА

Зачет по эрудиции

Александр ПАНКРАТОВ

Вот уже битый час Андрей Александрович Ветчинкин сидел за рабочим столом перед чистым листом бумаги. Тяжелая голова упорно клонилась вниз.

Ветчинкин, готовый погрузиться в сладостное забытье, внезапно вздрогнул — какое-то слово вывело его из сонного оцепенения. Он прислушался. До Андрея Александровича донесся голос Веры Петровны: «Милена Константиновна, нельзя же бутерброд заворачивать в кроссворд». Ветчинкин увидел на промасленной газетной бумаге знакомые черно-белые шашечки увлекательной игры. Разговоры сотрудников смолкли: все с интересом смотрели на обладательницу кроссворда. Вера Петровна, деловито разгладив газету, громко произнесла: «Так, первое по вертикали — аппарат для искусственного выведения птенцов без наседки». «Инкубатор»,— радостно выпалил Ветчинкин.

«Пятое по горизонтали,— продолжала Вера Петровна,— ископаемое морское пресмыкающееся мезозойской эры». Наступила короткая тишина. «Вероятно, это плезиозавр»,— сказал молчавший до этого молодой специалист Игорь Леонидович. «Чего только на свете не бывает»,— заметила счетовод Светлана Егоровна, уважительно посмотрев на Игоря Леонидовича.

В это время открылась дверь, и в комнату заглянул Кошелев из соседнего отдела, симпатичный молодой человек. «Вот, Кошелев,— подняла голову Вера Петровна,— ты у нас сердцеед, ну-ка скажи нам: деталь женского платья, вторая «е», восемь букв». На мгновение задумавшись, Кошелев гордо ответствовал: «Декольте». «Вечно вы все опошлите...» — начала Милена Константиновна, но дверь вновь открылась, и в отдел вошел незнакомый мужчина в сером костюме.

Вера Петровна, встречавшая каждого входившего вопросом, и здесь не сделала исключения. «Вы не знаете морское животное типа иглокожих, семь букв, в середине «у»?» Мужчина, на мгновение опешив, стоял молча, а потом, видимо, все поняв, сказал: «К сожалению, не знаю»,— прошел в комнату, сел на стул и с интересом стал наблюдать за происходящим.

«Граждане! — воскликнула Вера Петровна.— Внимание, очень трудное слово: очистка воды от солей железа, двенадцать букв. Кто знает?». «Давайте позвоним Григорьеву в плановый отдел, он у нас энциклопедист»,— предложила Милена Константиновна. «Правильно,— сказал Ветчинкин,— позвоните, Вера Петровна». Вера Петровна сняла трубку и набрала номер. Поговорив с Григорьевым, она сказала: «Обещал узнать у жены, сейчас позвонит ей на работу — она на санэпидемстанции работает».

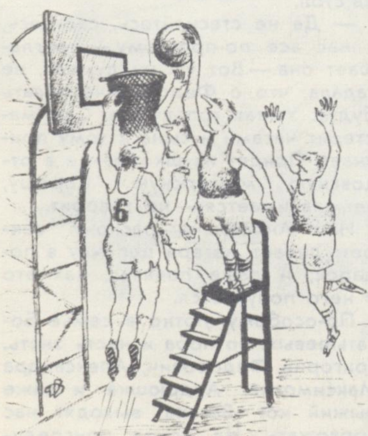
Мысли Андрея Александровича текли легко и свободно. Прежнего унылого настроения как не бывало. Он оглядел сотрудников. Теперь это был сплоченный коллектив, занятый одним общим делом. «Как может измениться настроение людей из-за какого-то пустяка»,— думал Ветчинкин. Его размышления прервал телефонный звонок. Вера Петровна сообщила, что жена Григорьева помогла: требуемое слово — «деферризация», но за услугу она попросила назвать «совокупность физических и психических способностей человека, позволяющих участвовать в целесообразной деятельности», шестнадцать букв.

Со всех сторон посыпались предложения, шутки... А Ветчинкин продолжал свои размышления: «Удивительно, как тепло и уютно стало в отделе, как дружно и организованно все работают в одном ключе». В ясной теперь голове его сложился замысел: «А что, если устроить соревнование? Этот телефонный разговор свидетельствует, что, наверное, многие в эти утренние часы на работе коротают время за кроссвордом. Хорошо бы в нашем тресте раздать во все отделы один и тот же кроссворд и начать разгадывать его одновременно. А потом подвести итог: чей отдел раньше закончит, тому, значит, от месткома премия.

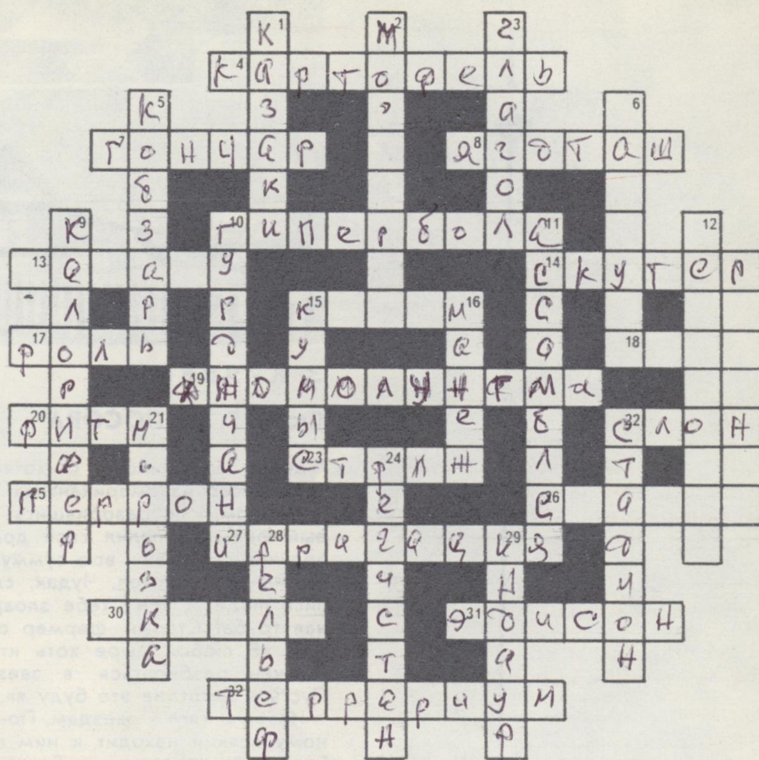
Внезапно до Ветчинкина донесся голос Веры Петровны: «Товарищи! Остался последний вопрос. Отгадаем его, и весь кроссворд будет готов. Слушайте, тридцать второе по горизонтали — лицо, производящее обследование деятельности какого-либо учреждения. Семь букв, кончается на «р».

«Позвольте мне,— вдруг сказал давно томившийся ожиданием незнакомец в сером костюме. Поднявшись со стула, он достал какой-то документ и, протягивая его Вере Петровне, сказал: — Ревизор».

Рисунки В. Дубова



КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Овощ. 7. Писатель, Герой Социалистического Труда. 8. Охотничья сумка. 10. Плоская кривая линия. 13. Река в Турции. 14. Одноместный спортивный глиссер. 15. Промысловая рыба семейства карповых. 17. Образ, воплощенный актером в спектакле, фильме. 18. Чешский живописец и график. 19. Высочайшая вершина на Земле. 20. Равномерное чередование звуков. 22. Шахматная фигура. 23. Быстролетающая птица. 25. Пассажирская платформа станции. 26. Народный художник СССР. 27. Орошение почвы. 30. Приток Амазонки. 31. Американский изобретатель в области электротехники. 32. Помещение для содержания пресмыкающихся и земноводных.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Повесть Л. Н. Толстого. 2. Бальный танец. 3. Часть речи. 5. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 6. Отделяемая часть космического летательного аппарата. 9. Теплообменник для нагрева воздуха. 10. Город в Грузии. 11. Общее собрание участников международной организации. 12. Советский космонавт. 15. Молочный напиток. 16. Площадка или здание для тренировки лошадей. 21. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 22. Комплексное спортивное сооружение. 24. Пустыня в Афганистане. 28. Строение земной поверхности. 29. Город в Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Гриф. 3. Квас. 6. Электричество. 9. Минин. 10. Народ. 12. Голсуорси. 14. Строфа. 15. Скопа. 17. Китель. 18. Пастила. 19. Шебалин. 21. Прицел. 22. Тюкян. 23. Турнир. 25. Сепаратор. 28. Сфакс. 30. Олово. 31. Несчастливцев. 32. Чита. 33. Гиря.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Галан. 2. Футбол. 3. Клевер. 4. Севан. 5. Диффузор. 7. «Интернационал». 8. Крашенинников. 9. Марс. 11. День. 12. Гладиолус. 13. Инкубатор. 15. Старт. 16. Аршин. 20. Скорость. 21. Пирс. 24. Рубо. 26. Панама. 27. Тюбинг. 29. Скетч. 30. «Олеся».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Г. Ф. Богатырев с сыном Андреем * Дом Богатыревых в поселке Суксун. (См. в номере материал «Звезды семьи Богатыревых».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимняя рыбалка — любимый отдых москвичей.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.02.83. Подписано к печати 09.03.83. А 00637. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 340. Заказ № 154.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

З. КРЯКВИНА

Фото Г. КОПОСОВА

ЗВЕЗДЫ СЕМ

Мне запомнилось стихотворение одного из американских поэтов о том, как, разорившись, старый фермер спалил свой дом и, получив страховку, всю сумму выложил за телескоп. Чудак, смеялись люди, к чему тебе зловредная труба? Старый фермер ответил: «В любой дыре хоть кто-то должен разбираться в звездах. Пусть в Литлтоне это буду я».

Извечна тяга к звездам. По-разному всякий находит к ним путь. Григорий Федорович Богатырев взял да и соорудил в своем огороде обсерваторию, самолично смастерил телескоп, чтобы Луну поближе видеть, за ходом планет следить.

Сгущаются синие сумерки. Над крышами маленького поселка вспыхивают звезды. Григорий Федорович поднимается по лесенке, ищет «стеклянным глазом» любимую планету. И долго глядит на небольшой, ясный, теплый шарик — Марс! Конечно, можно поехать в Москву и полюбоваться звездами в планетарии, но то будут не его звезды, не будет той светлой радости, что ощутил он, впервые взглянув в свой телескоп. В перекрещивающихся волосках окуляра Луна слегка дрожала.

Едва улеглось волнение, Григорий Федорович позвал жену: «Александра, поди-ка сюда, посмотри!» Увидев Луну, жена растерялась. «Надо же,— сказала она,— значит, недаром ночами не спал». И ласково погладила седые волосы мужа.

— И горы и кратеры видны! — воскликнула дочь Тамара.— Ну, молодец, папа!

С ватагой мальчишек прибежал сынишка Андрюша. Шумно взбирались наверх, торопили друг друга. «Чудо» хотелось увидеть каждому. Приходили соседи, приезжали гости из соседних сел. Приедут в Суксун по своей надобности, увидят богатыревскую обсерваторию, спрашивают, что это, мол, за штука такая возвышается. А вечером, если небо ясное, робко стучат в дверь Григория Федоровича и просят разрешения взглянуть на Луну.

Мы встретились с Богатыревым у него дома, который, кстати, он тоже построил сам, по своему проекту. Просторные светлые комнаты. Весело потрескивает огромная печь. На руках у хозяина мурлычет рыжий кот Васька. У Григория Федоровича выходной. Узнав о цели визита, он смущается: «Обо мне писать? Да разве нет в Суксуне мастеровых?»

Григорий Федорович ставит самовар. Мы пьем чай и слушаем его рассказ о жизни. А жизнь выдалась нелегкая. Шести лет остался без матери. Отец был мастеровым человеком, слыл на всю округу отличным портным. Сам хорошо дело делал и детей к тому приучал. Грише было всего шестнадцать, когда началась война. Ушли на фронт мужчины, приходилось пахать, сеять, неделями пропадать в поле. Потом была служба в армии. Воевал, правда, немного, всего четыре месяца, но и этого достало, чтобы узнать, что такое война. В сорок шестом возвратился в родное село. И пошел работать на почту. В шестидесятые годы перебрался в Суксун, по профессии не изменил — остался связистом. Попалась как-то ему книжка «Телескоп астронома-любителя».

— Прочитал я ее, и захотелось мне телескоп сделать,— говорит он.— В схемах разобрался сразу, а вот с линзами пришлось повозиться. Все вручную — и точил, и шлифовал, и полировал. А точность нужна немалая! Получилось! Хотите посмотреть?..

Мы поднялись к телескопу. Жаль, но звезд увидеть не удалось — мела метель, и мириады снежинок весело кружились в одном им ведомом танце. Здесь, наверху, хорошо и думалось о высоком — о далеких мирах, о планетах и о людях, чья увлеченность приносит радость, дарит маленький праздник.

— Одну звезду я вам все же покажу,— шутит Богатырев,— правда, ее видно и без телескопа. Это моя любимая звезда. Горит, милая,— ласково произносит он и протягивает руку к красноватому огоньку ретранслятора.

— Да, эта звездочка для вас, пожалуй, дороже других,— замечает Леонид Михайлович Перминов, начальник службы радио и телевидения в областном управлении связи. Он приехал сюда вместе со мной и сейчас рассказывает, как Григорий Федорович поставил в Суксуне первый самодельный ретранслятор, чтобы принимать телепередачи из Перми. На высоком угоре взметнулась ввысь шестидесятиметровая деревянная мачта. Аппаратуру изготовил сам, детали купил за собственные деньги. Десять лет проработал «сосновый» ретранслятор Богатырева. Да и тот, где он сейчас трудится старшим электромехаником, построен по его инициативе и при его активном участии.

Я думаю о самобытном таланте Григория Федоровича. Ведь он не кончал института, никто по-настоящему не занимался его образованием. Разве что в школе? Да и тут помешала война. Всего семь классов. А потом уже сам проторял себе путь, проявив такое упорство, что можно позавидовать. До многого дошел сам. «Так же интереснее»,— искренне считает этот увлекающийся человек, показывая нам свою мастерскую. Здесь многое говорит о ее хозяине. Микроскоп, фотоаппараты, бинокли, радиодетали, десятки самых разных, сработанных собственноручно инструментов, без которых не обойтись ни одному умельцу.

Кто-то долго топчется в сенях, не может, видно, ручку найти. Григорий Федорович спешит на помощь. «А, это ты, Степаныч... Видать, забыл, как дверь у меня открывается? Давненько не был, заходи»,— приглашает он гостя. «Да я на минутку, Гриша, бритва что-то барахлит, может, поглядишь...»

Так уж повелось в Суксуне: кому что надо подремонтировать, отладить, несут к Богатыреву, хоть и есть в поселке мастерская. «Почему так?» — спросили мы Степаныча. «Потому что у Гришки совесть есть, что хочешь сделает и денег не возьмет,— ответил он.— Понес как-то в мастерскую утюг — не берут, и все тут, выбрось, говорят, дед, это старье... Прямо оттуда к Гришке завернул, и утюжок до сей поры гладит. Умелый человек, ему бы в мастерской цены не было. Звал его начальник — не идет, хоть и заработок там выше...»

Вспомнилось, кто-то сказал мне: «Если на ретрансляторе дежурит Богатырев, сразу заметно — голубой экран, словно ясное солнышко, светится». Главное для Григория Федоровича — делать людям добро. Двенадцать лет работают с ним рядом два Николая — Бачурин и Малофеев — и благодарны ему за общение. Когда один из них в техникуме учился, Богатырев был для него лучшим консультантом в радиотехнике.

Есть еще одно увлечение у Григория Федоровича — ходить в лес по грибы. «Нравится мне березовый лес, веселый он, светлый, дышится в нем легко и бродить не скучно,— говорит он,— и все-таки всем лесам я предпочитаю сбор грибов у моей вышки. Их там пропасть. В обед выйдешь, не успеешь оглянуться, глазом моргнуть, а корзинка уж полнехонька! А летом мы с Андреем там же землянику собираем, так и манит из-под кустов красным боком...»

Пришла Александра Максимовна. Разделась, принялась собирать на стол.

— Да не стесняйтесь, садитесь, у нас все по-простому,— приглашает она.— Вот уж не думала, не гадала, что о Федоровиче писать будут. Умная головушка. Сам мастерит часами и сына к тому приучает. Придет из школы — и в отцовскую мастерскую. Спрошу, чем занимается,— не говорит.

Нам Андрюшка раскрыл секрет: делает матери цепочку в подарок, и даже показал, как это у него получается.

По-особому уютно в семье Богатыревых, но пора и честь знать. Григорий Федорович, Александра Максимовна, Андрюшка и даже рыжий кот Васька выходят нас провожать. На улице присоединяется черно-белый пес Тузик.

Суксунский ретранслятор.

Григорий Федорович Богатырев.

ЬИ БОГАТЫРЕВЫХ

На прогулку всей семьей.

Сегодня на ретрансляторе дежурит Николай Малофеев.

Домашняя мастерская.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663